

ЛЮБИМОЕ ЧТЕНИЕ

ГАЛИНА ГОРДИМЕНКО

ПРИНЦЕССА НА ЧАС

Annotation

Девочка-подросток шутки ради пишет письмо Деду Морозу. Ей надоели будни и она мечтает хоть ненадолго стать настоящей принцессой. По счастливой случайности письмо попадает в Англию, в руки герцогини. Просьба девочки показалась пожилой даме необычной, и она решает ее выполнить...

- [ГЛАВА 1 ПИСЬМО ДЕДУ МОРОЗУ](#)
 - [ГЛАВА 2 КАТЯ ИВЛЕВА](#)
 -
 - [***](#)
 - [ГЛАВА 3 ПОДРУГИ](#)
 - [ГЛАВА 4 ПАПКА НА РАБОЧЕМ СТОЛЕ](#)
 - [ГЛАВА 5 КЛАССНЫЙ ЧАС](#)
 - [ГЛАВА 6 СТРАННЫЙ ВЕЧЕР](#)
 - [ГЛАВА 7 СОН ИЛИ НЕ СОН](#)
 - [ГЛАВА 8 МНОГОТРУДНЫЕ БУДНИ](#)
 -
 - [***](#)
 - [ГЛАВА 9 БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ СПЕКТАКЛЬ](#)
 -
 - [***](#)
 - [***](#)
 - [***](#)
 - [ГЛАВА 10 РОЖДЕСТВЕНСКИЙ БАЛ](#)
 -
 - [***](#)
 - [***](#)
 - [ГЛАВА 11 ПИСЬМО](#)
 -
 - [***](#)
 - [***](#)
 - [***](#)
-

ГЛАВА 1 ПИСЬМО ДЕДУ МОРОЗУ

– Ваша светлость, мы опять получили письма из резиденции русского деда Мороза.

Герцогиня Хостонская нехотя оторвалась от компьютера, она просматривала присланные счета.

– Снова бесконечные просьбы, написанные под диктовку родителей? – устало пробормотала она. – Что на этот раз? Очередные жалобы на маленькие квартиры? Кому-то нужны компьютеры или последние модели сотовых телефонов? Плазменные телевизоры и куклы Барби?

– Ну что Вы, ваша светлость, я бы не стал беспокоить Вас из-за таких пустяков!

– Почему же пустяков? По словам бабушки, во мне течет кровь невинно убиенных Романовых, пусть немного, но она обязывает, Орсли, ты должен это понимать...

Вдовствующая герцогиня Хостонская печально усмехнулась, признавая, что не так уж много она сделала для россиян за последние годы. Чаще ограничивалась коротким приказом управляющему – он и занимался, собственно, письмами – а сама благополучно забывала о соотечественниках далеких предков до следующего Нового года.

Впрочем, нужно отдать герцогине должное: она никогда не жалела о деньгах, потраченных на маленьких россиян. Да и незаметны были эти небольшие «кровопускания» для ее огромного состояния.

– На этот раз, ваша светлость, среди стандартных детских прошений есть одно необычное, – вкрадчиво заметил управляющий, его несколько беспокоило затянувшееся уединение хозяйки. – Думаю, оно покажется Вам любопытным.

– И что там? – герцогиня подошла к окну. Бросила быстрый взгляд на зимний сад и недовольно поморщилась: голо и скучно. – Кто-то снова мечтает о поездке в Париж или Лондон на Рождество?

Орсли отрицательно помотал седой головой и хитро ухмыльнулся. Герцогиня обернулась и с досадой воскликнула:

– Вы прижимаете к сердцу этот грязный конверт с таким видом, будто письмо отправлено любимой внучкой!

– Нет, ваша светлость, – с достоинством парировал Орсли, – письмо написано русской девочкой Катей из Вологодской области.

– Русской девочкой Катей, – зачем-то повторила герцогиня.

И покорила судьбе, понимая, что от упрямого Орсли так просто не избавиться. Если уж управляющий вбил себе в голову, что ей нужно прочесть это письмо, то непременно добьется своего, так или иначе.

Герцогиня Хостонская постаралась вспомнить, с какого времени она вменила себе в обязанность помогать русскому деду Морозу, но так и не смогла. Сейчас казалось: идея принадлежала не ей, а покойному мужу. Именно он назубок знал практически все родословные Англии, как и родственные связи с известнейшими фамилиями других

стран. Герцог гордился тем, что в жилах сына течет и капля крови российского царствующего дома.

– Ну и чем тебя заинтересовало именно это письмо? – проворчала герцогиня. – Девочка написала его в стихах? Пожелала солнце с неба, и ты решил отправить его завтра же наложенным платежом?

– Нет, Ваша светлость.

– Ну же, Орсли, не тяни, – вяло запротестовала герцогиня. – Ты оторвал меня от работы, я так и не просмотрела толком счета за ремонт загородного поместья, а ты сам уверял, что это срочно.

– Действительно так, ваша светлость, – кротко подтвердил Орсли.

Его тонкие губы подрагивали в такой лукавой улыбке, что герцогиня сдалась. Села в кресло и сказала:

– Хорошо, Орсли, слушаю. Поделись со мной – о чем же мечтает русская девочка Катя из Вологодской области?

– Неделю побыть принцессой, ваша светлость, всего лишь. Или на худой конец – маленькой герцогиней!

– К-кем? – неверяще переспросила вдовствующая герцогиня.

– Такая вот мечта, – обычно холодные глаза старого Орсли смеялись. – Неделю каждое утро просыпаться принцессой и жить ее жизнью, интересами и обязанностями. Впрочем, скорее – воспользоваться ее привилегиями.

Герцогиня Хостонская закашлялась. Ее лицо покраснелось, голубые глаза больше не казались безразличными, в них загорелись такие знакомые Орсли живые огоньки.

Управляющий удовлетворенно усмехнулся и, пряча улыбку, отдал ей письмо. Герцогиня прочла его, с трудом разбирая угловатый детский почерк, она неплохо знала русский язык и искренне любила за неоднозначность и «ласкательные» суффиксы. Английский язык рядом с русским казался ей однополярным, суховатым, слишком «правильным», что ли. В нем нет тайны!

Управляющий Орсли наблюдал за хозяйкой с нескрываемым любопытством, он первый раз столкнулся со столь необычной просьбой к деду Морозу. Фантазия и амбиции тринадцатилетней девочки вызвали у старика уважение, и Орсли терпеливо ждал решения герцогини.

– Она, что же, считает, что жизнь маленькой принцессы или герцогини так безоблачна? – изумленно пробормотала герцогиня Хостонская, в четвертый раз перечитывая странное письмо.

– Думаю, так, ваша светлость.

– Надеется провести эту неделю в праздности, меряя красивые платья и разъезжая по балам?

– Вероятно.

– Но... будни принцессы многотрудны, – угрюмо запротестовала герцогиня. – У обычной девочки гораздо больше свободного времени, больше подруг и... увеселений!

– Русская Катя об этом не подозревает, – мягко усмехнулся Орсли. – Что Вы хотите, ваша светлость, ребенок вначале начитался сказок, потом романов, посмотрелся дешевых сериалов...

– «Моя самая заветная мечта – пусть только на неделю! – оказаться принцессой, – прочла вслух герцогиня Хостанская. – Или герцогиней, только обязательно настоящей. Папа говорит: наш прадедушка – из старинного дворянского рода, даже боярского, если брать глубже. Выходит, если б не революция в двадцатом веке, я, в самом деле, была бы очень знатной...»

Орсли рассмеялся. Герцогиня раздраженно передернула плечами и продолжила:

– «...Понимаю – я достаточно взрослая, мне в январе исполнится тринадцать – и не должна верить в деда Мороза и другие такие же сказки. Я и не верю. Ну, почти! И все же решила написать: а вдруг он есть, а? Тогда он взмахнет своей волшебной палочкой, и я наутро... Да, именно так! Я засну в своей постели, а проснусь в настоящем, самом настоящем дворце принцессой! Или пусть герцогиней, но чтоб меня называли непременно «вашей светлостью» или «вашим сиятельством», не знаю, что правильнее. И я буду целую неделю жить не своей скучной, обычной жизнью, а...»

Герцогиня откинулась на спинку кресла и задумчиво улыбнулась. Управляющий деликатно кашлянул. Она вздрогнула и закончила:

– «...а жизнью аристократки, причем самой-самой крутой. Дед Мороз, если ты все же есть, исполни, пожалуйста, это желание. Эту заветную мечту, так вернее! Всего неделю настоящей жизни, разве я много прошу? Насовсем я и не хочу, мне просто жаль маму и папу, они без меня не смогут, я у них единственная. Но на недельку... Ну что тебе стоит, дед Мороз, а? С большой и пламенной любовью, Катя Ивлева».

Герцогиня повертела в руках исписанный листок. Заглянула в конверт и сердито добавила:

– Представляешь, девчонка и фотографию вложила, чтобы старик ее ни с кем не перепутал!

– Старик?

– Это я про деда Мороза.

– Действительно, старик, – кротко согласился Орсли.

И снова удовлетворенно отметил, что лицо герцогини потеряло скучающее выражение. Она вновь приобрела присущую ей царственную осанку. Большие голубые глаза теперь не казались Орсли потухшими и безжизненными, они искрились, как и год назад, до смерти мужа.

Орсли незаметно потер руки: «Кажется, я не зря сидел над этой ужасающей грудой писем. Теперь бы как-то закрепить успех... – Его губы дрогнули в грустной усмешке. – Бедняжка слишком замкнуто жила последнее время, слишком много горевала. Да и о сыне забыла, юный герцог живет в родном доме как беспризорник, это никуда не годится...»

Герцогиня вернула фотографию в конверт и задумчиво протянула:

–Что ж, мечты порой имеют обыкновение сбываться, как считаешь, Орсли?

Старик ничего не ответил, лишь смотрел внимательно. И правая бровь приподнялась над глазом забавным домиком – так всегда случалось, когда Орсли волновался.

Герцогиня вдруг улыбнулась, лицо ее мгновенно помолодело, будто и не было этого кошмарного года. Не было нестерпимого одиночества, нежелания жить –

вставать каждый день из чувства долга, что-то делать из чувства долга, говорить из чувства долга, кому-то улыбаться...

И она с неожиданной робостью предложила:

– Пусть так: русская девочка Катя уснет в пятницу в своей постели, а проснется в субботу в нашем замке маленькой герцогиней. Или принцессой, одно и то же, по сути. Впереди как раз рождественские праздники...

Сердце Орсли забилося с неожиданной для его лет силой, сухие смуглые пальцы задрожали, и дворецкий поспешно заложил руки за спину. Склонил голову и с деланным равнодушием произнес:

– Как скажете, ваша светлость.

– Только непременно получите согласие ее родителей! – голос вдовствующей герцогини Хостанской оживленно зазвенел. – Вряд ли они будут против недели каникул для единственной дочери, если прочтут это письмо...

ГЛАВА 2 КАТЯ ИВЛЕВА

Будильник звенел пронзительно, Катя никак не могла его нащупать. Шлепала ладонью по прикроватной тумбочке и все промахивалась и промахивалась.

Она с трудом открыла глаза и села в постели. Со злостью посмотрела на тумбочку и рассмеялась: будильник держала в руках мама.

– Так вот почему я не сумела его прихлопнуть, – пробормотала Катя хриловатым со сна голосом.

– Именно, – кивнула мама. – Зато сегодня ты не будешь метаться по квартире, перебросив язык через плечо! В кои-то веки нормально позавтракаешь и без спешки соберешь ранец.

– Подумаешь...

– Вот и подумаешь! – рассердилась вдруг мама, кивнув на разбросанные по столу учебники. – Сколько раз говорила – готовься к школе с вечера, незачем с утра носиться как оглашенная!

– Ма, ну что ты опять... – Катя сладко зевнула. – Каждый день одно и то же, одно и то же...

– Думаешь, приятно все это повторять? – язвительно хмыкнула мама. – Да я язык уже стерла! В жизни не видела такой лентяйки, вот честное слово! Леня, Катька, точно вперед тебя родилась, я раньше никогда не понимала этой пословицы, зато теперь...

– И что теперь?! – оскорбленно выкрикнула Катя.

– Прочувствовала каждое словечко!

Мама поставила будильник на тумбочку. Покосилась на единственную дочь и поспешно отвернулась, пряча улыбку: мрачная Катька сопела как паровоз, неохотно заправляя постель. Тощая, все позвонки отчетливо видны, голенастая, темно-русые волосы после сна веером стоят вокруг головы...

– Не дуйся, – примирительно заметила мама. – Сегодня на завтрак твои любимые оладышки.

– Оладышки! – раздраженно фыркнула Катя. – Вначале расстроила...

– Катька, не ворчи! Тебе что, сто лет завтра исполнится?

Катя проводила взглядом смеющуюся маму и с досадой подумала: «Если бы не революция! Вот ведь не повезло...»

При маме этих слов она уже не говорила. Мама сразу начинала сердиться. И на нее, Катю, и на собственного отца, который легкомысленно рассказал внучке, кем были ее прадеды. Еще и фотографии старинные показал и какие-то пожелтевшие бумаги, сохранившиеся в семье с позапрошлого века.

Вот дочь с ума и сошла: как же, она дворянских корней, подайте ей платья бальные, драгоценностей побольше, дом-усадьбу, непременно с колоннами, как на старой фотографии, а главное – почтительных слуг, раз по рождению положены.

При этом Катька – что больше всего поражало Антонину Романовну – совершенно игнорировала других своих предков, а ведь среди них были не только казаки и купцы,

но и самые настоящие крепостные. Дочь быстренько списала их наличие на проклятую революцию – все она виновата! – и выбросила из головы.

Катя подошла к зеркалу. Придирчиво осмотрела себя и поморщилась: да-а, паршивенько! Ее знатные предки в гробах бы перевернулись, предстань она перед ними в таком затрапезном виде, как только мама не понимает?

Дешевка, не вещи...

А ведь она – самая настоящая дворянка!

Катя обиженно шмыгнула носом: мама совершенно не желала с ней считаться. Покупала всю одежду на рынке или в недорогих магазинах. Катя фирменные джинсы видела лишь в рекламе или на однокласснице Верке Сидоренко, толстой, как корова, такой же добродушной и глупой.

Вот бы ей, Кате, такие джинсы!

Мама же только смеялась – мол, дворянство в старину могли дать за заслуги перед Отечеством кому угодно, как и лишить за предательство, лень или бездарность. Дворянство – это не только знатные предки, но и воспитание, и обязательства перед Родиной, и трудная служба на ее благо, и...

Что б она понимала! Будто Катя книг не читала или фильмов не смотрела.

Дворянство – это... балы! Это прекрасные платья! Это сон до полудня! Это слуги, сдувающие с тебя пыль! Это путешествия по всему миру! Это простолюдины, почтительно заглядывающие тебе в рот! Это драгоценности! Это...

Катя судорожно вздохнула, прогоняя глупые, пораженческие мысли: никогда-никогда!!! – ей не жить такой чудной, такой сказочной жизнью. Так что придется сейчас жевать за завтраком простые оладьи, а не глотать живьем таинственных устриц или наслаждаться трепангами, интересно, что это такое? А потом придется тащиться в самую обычную районную школу в самых обычных джинсах, сшитых трудолюбивыми китайцами.

Не повезло ей!

Вот родись она, Катя, году эдак в тысяча девятьсот – тьфу, пропасть, а революция?! – нет, лучше – в тысяча восемьсот пятидесятом...

В школу сегодня Катя шла неохотно, можно сказать, переступая через собственное «я». Одноклассники казались людьми примитивными, неинтересными, даже странно – что она раньше в них находила? Еще и дружила с Ленкой Плющенко, сейчас и не верится. И Васька Гончаров ей нравился, а у него мать – обычная медсестра, отец – крановщик...

Катя презрительно фыркнула: когда она спросила Ваську о предках, он лишь плечами пожал – мол, никогда не интересовался. Вот дедушки-бабушки – это святое, о них он все знает, а дальше...

И понятно, кого волнуют простые работяги? Вот были б предки у Васьки аристократами, как у нее, Кати, другое дело. Тогда б Васька с гордостью их перечислил.

Катя переступила порог класса и брезгливо поморщилась: с кем приходится общаться? Плебеи, все до одного плебеи!

А все из-за папы с мамой. Наверняка ведь есть в городе лицеи или гимназии, где учатся такие как она, люди с благородной кровью, жаль, родители и слышать об этом не хотят. Папа смеется, а мама сердится и обзывает Катю всякими непонятными словами. Обвиняет в снобизме, например. Оба в один голос заверяют, что у Кати очень хорошая школа. С сильными учителями и великолепными традициями. И она – она, Катя! – должна гордиться, что там учится.

Гордиться – надо же...

Было б чем!

Катя бросила ранец на стол и сожалеюще покосилась на ближайшую подругу: лицо у Ленки... Простое-простое, никакой изюминки, можно сказать – крестьянское. Круглое, как луна. Глазки голубенькие, бровки над ними – смешными домиками, такие светлые, их с двух шагов не разглядеть, ресницы – жалкие коротенькие щеточки, розовые, как у поросенка. Правда, волосы у Ленки – ничего, пшенично-белые, густые, но и их дурочка Плющенко стягивает в тугие детские косы. Никак не поймет: они уже девушки, вот-вот по тринадцать исполнится, им нельзя причесываться как первоклассницам и так же одеваться.

Катя фыркнула: Ленка – такой крутой наив! Словно не в двадцать первом веке живет, а в девятнадцатом. Эдакая тургеневская дева – спокойная, доброжелательная, медлительная, вечно мечтающая о чем-то, будто не живет, а спит.

Катя снисходительно кивнула на Ленино приветствие. Поискала взглядом Ваську и недовольно скривилась: Гончарова невесть с чего занесло к столу Наташки Подгорной. Сидит рядом и что-то оживленно рассказывает. А Наташка внимательно слушает, будто и нет ничего необычного в Васькином поведении.

Катя заставила себя отвернуться: ей-то какое дело до этих... простолюдинов?!

И невольно покраснела: Натка Подгорная гораздо больше Кати походила на аристократку. Изыщная, золотоволосая, зеленоглазая, она с пяти лет занималась художественной гимнастикой и постоянно ездила на соревнования, почти всегда

занимая призовые места. Наташу Подгорную все считали настоящей красавицей. На школьных вечерах именно она открывала концерты, летая над сценой то с лентами, то с мячиком, то с обручем или булавой. Воздушная, яркая, она всегда срывала шквал аплодисментов и исчезала за кулисами, провожаемая восхищенными взглядами зрителей.

Катя не любила ее. Сама не могла сказать – за что именно. Ведь Наташа, если честно, ничего плохого ей не сделала. И держалась Подгорная всегда отстраненно, не имея в классе подруг. Что понятно. Слишком часто она отсутствовала, слишком плотно расписаны дни, ни минуты лишней на дружбу или встречи вне школы.

Но... Наташка не имела права быть такой... такой красивой! Почему не у Кати зеленые глаза и легкие золотистые кудри?! Почему она, Катя, не умеет так ослепительно улыбаться, а в ее взгляде нет Наташиной безмятежности? Это... несправедливо!

И Катя, порой стыдясь себя, радовалась Наташиным тройкам по математике и физике, ее неуверенным и невнятным ответам. Ядовито думала, провожая глазами опечаленную очередной тройкой школьную знаменитость: «Так тебе и надо! Это не ножками на сцене дрыгать и ленточками размахивать!»

Единственное, в чем Катя невольно отдавала однокласснице должное: Наташа не задавалась. Будто и не существовало ее грамот, кубков и медалей, будто не было в городской прессе хвалебных статей в ее адрес – как же – олимпийская надежда! – а по телику не показывали отрывки из ее выступлений.

«Зато она троечница, – с мрачным удовлетворением подумала Катя, неприязненно рассматривая хрупкую фигурку. – И дура, наверное. Непонятно, чего ради Васька около нее вертится. Конечно, Натка – смазливая...»

Катя зажмурилась и даже головой потрясла: не хватало еще завидовать этой... этой... ящерице зеленоглазой, вот! И засмеялась: Подгорная действительно походила на ящерицу. Видела как-то Катя в Крыму такую, ящерица дремала на камне, грелась на жарком солнышке – гибкая, изящная, ярко-зеленая, совсем как Наташкины глаза. И исчезла мгновенно, едва Катя протянула к камню руку. Фу! И что она привязалась сегодня к Подгорной?! Нужна ей Наташка сто лет, как же...

– Ты что фыркаешь, как еж? Случилось что-то? – Лена внимательно смотрела на подругу.

– Вот еще, – передернула плечами Катя. – Просто я с утра с мамой поцапалась. Прикинь, она снова не дала мне накраситься перед школой! У нее совершенно ископаемые представления обо всем, а уж о косметике... Как мне надоели ее нотации, ты бы знала!

– А мне нравятся твои родители, – Лена раскрыла учебник по географии. Немного помолчала и печально сказала: – Они относятся к тебе всерьез, понимаешь? Мои обо мне и не помнят, наверное. Накрашусь я или нет, мама вряд ли заметит. Если честно, я ее практически не вижу. Они почти всегда возвращаются, когда я сплю, все их бизнес противный...

– Дура ты, Ленка, и уши у тебя холодные, – хмыкнула Катя. – Разве плохо – сама

себе хозяйка? Мне бы твою свободу, ух, я бы развернулась...

– Это тебе так кажется.

– Считаешь, самая умная? – Катины глаза недобро блеснули.

– Не считаю, – коротко ответила Лена и отвернулась.

Последнее время ей трудно с Катей. Ивлева стала злой, так и норвила уколоть побольнее. И вне школы они практически перестали встречаться.

Лена помрачнела, вспомнив, как позавчера Катя язвительно прошлась насчет ее лишнего веса и отсутствия «настоящего» характера. Мол, был бы он, Ленка не метала б в рот все подряд, как рождественский поросенок.

Будто Ивлева не знала, насколько подруга комплексовала из-за лишних своих килограммов, будто не дружили они с первого класса! «Наверное, Катька права, у меня нет силы воли, – угрюмо думала Лена. – Я ненавижу смотреть в зеркало! Знаю, что безобразно толстая, и все же ем все подряд, я так люблю сладкое...»

Лена печально улыбнулась: до Нового года осталось всего ничего, меньше трех недель. Даже если она сядет на очередную диету, ей не избавиться от безобразных пухлых складок по бокам. И ноги ее никогда не будут такими стройными, как у Катьки, нечего и мечтать надеть на новогодний вечер платье или короткую юбку, лучше уж джинсы, как всегда. Конечно, Лена и в них не кажется стройной, но... над ней хотя бы смеяться не будут. И ни один мальчишка не пригласит ее танцевать! Лену ни разу не приглашали. Ни разу в жизни! Катька права – она жирная. Она просто уродина! Лена полжизни бы отдала, чтобы стать такой же худенькой, как Катька. Лена не любила праздники. И чувствовала себя преступницей, протягивая руку за добавкой – мама так вкусно готовила!

В новогоднюю ночь стол буквально ломился от любимых блюд: разнообразные салаты; горячий, только что из духовки гусь с золотистой корочкой, фаршированный рисом, черносливом и яблоками; домашняя буженина, запах от нее буквально сводил с ума; овощные блюда, рыбные, а на сладкое...

Лена зажмурилась, заранее смиряясь с неизбежным злом – парой-тройкой лишних килограммов, от которых потом так трудно избавиться, почти невозможно, если уж честно.

– Плющенко, что с тобой? Ты плохо себя чувствуешь?

Лена вздрогнула от неожиданности: она и не заметила, как в класс вошла Луиза Ивановна, классный руководитель и учительница русского языка и литературы.

– Живот болит? – сочувственно допытывалась Луиза Ивановна.

В классе засмеялись. Катя громко фыркнула. Лена жарко вспыхнула и пролепетала:

– Н-нет. Я в порядке...

– Точно?

– Точно.

– Ну, если так, начнем урок!

В классе зашелестели страницы учебников. Лена прижала ладони к пылающим щекам. Катя насмешливо шепнула:

– Что-то не то съела за завтраком?

- Отстань.
- Так морщилась...
- Говорю же – отстань!

Луиза Ивановна обернулась, и девочки тут же уткнулись в учебники. Она улыбнулась:

- Кто скажет, сколько дней осталось до Нового года?
- Восьмиклассники загалдели и закричали, перебивая друг друга:

- Две недели!
- Нет, почти три!
- Семнадцать дней!
- Если считать сегодняшней, то восемнадцать!
- А чего его считать, сегодняшней? – возмутился Васька.

– Ну почему, будем считать, – не согласилась Луиза Ивановна. – Тем более, день только начался, даже первый урок только-только начался, я еще ни одной двойки не успела поставить...

В классе засмеялись. Гончаров проворчал:

- Сами сказали – Новый год на носу, какие могут быть двойки?

Луиза Ивановна дискутировать не захотела. Посмотрела на часы и сказала, что должна сделать объявление. Предновогоднее и очень важное.

Васька недоверчиво хмыкнул: «важность» и предновогодняя суэта как-то не вязались друг с другом. Катя лениво протянула:

– Если насчет костюмов, так это каждый год повторяется – мол, бал-маскарад, то, се...

– Нет, Ивлева, о костюмах вы и без меня знаете. А я хотела поговорить о конкурсе, объявленном вологодским телевидением.

Класс заинтересованно притих. Луиза Ивановна весело воскликнула:

– Обещано множество призов, а самый главный – туристическая поездка по странам Европы на все время зимних каникул! Причем для трех человек, занявших первые места! И встречи со сверстниками, этот же конкурс проводится не только у нас.

– Клево, – оценил Пашка Смирнов.

– Вот повезет кому-то, – тоскливо проскулила Валя Кудрявцева.

– Так что за конкурс? – нетерпеливо закричал Васька. – Снова вопросы по истории и географии?

– Предновогодний конкурс, – тихо напомнила Лена Плющенко. – При чем тут история с географией?

– Да перед Новым годом вечно проводят всякие дурацкие конкурсы, – отмахнулся Васька. – То танцы-шманцы, то костюмы новогодние, то на лучший номер, типа – разучите, детишки, пару-тройку фокусов или стишки прочтите повыразительнее, то рисунки им дайте с елочками и снегом до крыш... Правда, призы раньше были попроще! Интересно, что на этот раз придумали?

Восьмиклассники выжидающе уставились на учительницу. Васька даже привстал, преданно поедая ее глазами.

Луиза Ивановна засмеялась:

– Не буду больше испытывать ваше терпение. Конкурс на этот раз не из простых – на лучшее новогоднее стихотворение!

– Чего?! – ахнула Валя.

– Литературный конкурс, – с удовольствием повторила Луиза Ивановна. – На лучшее новогоднее стихотворение. Можно просто о зиме.

– А почему его объявили всего за восемнадцать дней?! – возмутился Олег Огнев.

– Разве непонятно? Чтобы не утонуть в наших бездарных опусах, – хмыкнул Васька. – Чем меньше времени, тем меньше халтуры к ним попадет. И потом – восемнадцать дней – не так уж мало...

– Ага! Если писать каждый день по три стиха, – фыркнул Олег, – то можно сдать на конкурс... э-э...

– Пятьдесят четыре штучки, – быстро посчитала Вера Сидоренко. – Ничего себе!

– Точно, завалим жюри работой! – хохотнул Олег. – Ради халявной поездки в Европу...

– Даешь по пять стихов в день! – жизнерадостно заорал Васька.

– Матерь божья... – потрясенно прошептала Вера. – Это ж... девяносто штук!

– Вычитите три дня, – улыбнулась Луиза Ивановна, – после двадцать восьмого работы уже не принимаются, двадцать девятого и тридцатого декабря работает жюри, тридцатого же и объявят победителей. – Учительница помолчала и торжественно объявила: – Кстати, все лучшие стихи будут изданы в особом поэтическом сборнике! И, естественно, прозвучат по телевидению в исполнении авторов!

– Хотите сказать, меня все-все увидят по телику?! – восторженно взвизгнула Сидоренко. – Ох, и классно! Мне папулик такое платье из самого Парижа к Новому году привез...

– Ты вначале стих напиши! – раздраженно фыркнула Катя.

– А-а, да чего там сложного? – Вера сияла, будто уже выиграла. – Я тебе прямо сию секунду могу начало выдать! Вот, смотри: с Новым годом поздравляем и здоровья вам желаем!

– Ага! – захохотал Васька. – А дальше: водку-пиво пейте, только не болейте!

– Валенки носите, снегом не скрипите! – весело выкрикнул Огнев.

– И я! И я! – Света Смолкина возбужденно выскочила в проход между партами. – Дед Мороз к вам придет и подарки принесет!

– Кукол, сало, шарики, шоколад, фонарики! – хмуро продолжила Катя.

– Хватит-хватит! Сдаюсь! – Луиза Ивановна подняла руки. И вдруг серьезно сказала: – Только учтите – весь примитив будет отбрасываться на первом же этапе. Это я о «поздравляем, желаем»!

– Значит «шарики-фонарики» можно, – обиделась Вера, – а «поздравляем, желаем» нельзя?

– Можно все. Никаких ограничений. Просто не забывайте: рифма – это еще не поэзия!

– Как это? – Верин лоб прорезала глубокая морщина. – Я всегда считала: стихи – это рифма.

– Не только.

– Сидоренко, ты – дура, – зло прошипела Катя. – Рифмовать могут все, а настоящих поэтов единицы!

– Ивлева, без оскорблений, пожалуйста, – одернула Луиза Ивановна.

– Ага! Не переходим на личности, – подмигнул Кате Васька. – Будем взаимно вежливы!

– Нет, вы мне точно скажите, что нужно кроме рифмы? – капризно потребовала Вера. – Ну, чтобы выиграть?

– Вот это вопрос, – восхитился Олег. – Всем вопросам вопрос!

– Верочка хочет в телевизор, – съязвила Катя. – В новом платье!

– Рецепт, пожалуйста! – крикнул Васька.

– Точно, рецепт – в студию! – выбила звонкий марш по столешнице Рита Сандуленко.

– Разжуйте нам, одноклеточным, – вздохнула Света, – сделайте милость.

– Если не всякий стих поэзия, то что тогда поэзия? – негромко спросила Наташа Подгорная.

– Вот именно – что?

– Элементарно: души частица да первая снежинка, отблеск зари да в шампанском льдинка, улыбка ребенка да посвист синицы, метели вой да рычанье львицы... – пробормотала Лена.

– Плющенко – ты гений! – заплодировал Васька. – Рецепт как в аптеке! Только что дальше делать?

– С этими, блин, улыбкой ребенка и отблеском зари? – проворчал Олег.

– И посвистом синицы! – крикнул кто-то.

– Дурачье! Главное тут – души кусочек!

– Не кусочек, а частица!

– А дальше-то, дальше?!

Лена слабо улыбнулась и закончила:

– Все это смешать. Все это слепить. На конкурс отправить. И победить!

– С ума сойти, – ошеломленно оценила Вера.

– Прекрасный рецепт, можете использовать, спасибо, Лена! – одобрила Луиза Ивановна. – А теперь начнем урок.

– Почему – урок? А как же конкурс?! – разочарованно взвыл Васька, не приготовивший домашнее задание.

– А что – конкурс? Сдаете стихи мне, в конце каждой недели мы их зачитываем на классном часе, отбираем лучшие, я их тут же отправляю по интернету, куда следует.

– А почему не мы сами? – насупилась Вера. – Скажите нам адрес, мы и без вас отправим!

– Так решено, видимо, чтобы разгрузить жюри, – пожал плечами Луиза Ивановна. – Они будут выбирать среди более-менее достойных работ, самые беспомощные мы должны отклонить здесь. Это первый этап конкурса.

– А кто участвует-то? – вяло поинтересовалась Валя.

– Старшие классы. С восьмого по одиннадцатый включительно.

– Вот увидите, я обязательно выиграю! – громогласно пообещала Вера Сидоренко.

Катя враждебно покосилась на нее и подумала, что тоже не против оказаться среди призеров. Поехать в Европу без родителей, со сверстниками...

Фантастика!

ГЛАВА 3 ПОДРУГИ

Сегодня Катя не убежала домой сразу после уроков, как делала в последние дни. Стояла в дверях и ждала подругу. И злилась, что Плющенко так долго копается. Вечно у нее все валится из рук!

Кате хотелось поговорить о конкурсе. В конце концов, Ленка в стихоплетстве кое-что понимает, они даже когда-то в игру такую играли: называлось слово, а потом они по очереди подбирали к нему рифму. Кто первый пасовал, тот и проигрывал. Если честно, Ленка почти всегда побеждала.

«И читает она намного больше, – неохотно признала Катя. – Прямо запоем читает, из всех библиотек книги тащит, еще и карманные деньги на них тратит, чудачка...»

Катя неприязненно покосилась на подругу и подумала, что с Ленкиной фигурой только и остается, что над книгами чахнуть – кого из нормальных парней такая пышка заинтересует? И простушка, к тому же, смотреть не на что!

«Интересно, она тоже надеется в Европу поехать? Комедия: Верка Сидоренко и Катя Плющенко – победительницы конкурса! Смертельный номер: два жиртреста из Вологодской области покоряют Европу! Правда, Сидоренко намного противнее и толще, Ленка рядом с ней прямо Мэрилин Монро... – Катя хмыкнула: – Вот уж Толик Оболенский обрадуется, если они с ним в одной команде окажутся, а Верка наверняка еще и кокетничать начнет, она себя чуть ли не красавицей считает, дура редкостная, зеркала у них в доме нет, что ли...»

Катя помрачнела, она не сомневалась, что Толик Оболенский выйдет в призеры. Он давно стихи пишет, вся школа об этом знает. Его работы даже в каком-то литературно-художественном альманахе печатали, Ленка, помнится, показывала, она в центральной городской библиотеке журнал брала, вот только как называется этот альманах...

Впрочем, какая разница?

Катя вздохнула: Олег учился в десятом классе и совершенно не обращал на нее внимания. Раньше, конечно, и Катя не очень-то его замечала – подумаешь, стишки свои на школьных вечерах читает! – но вот как узнала, что она из дворянской семьи...

Катя потом у папы спросила, и он подтвердил: Оболенские – очень известная фамилия в царской России. Аристократы. Вроде бы даже князя!

Вот и выходило: они с Толиком – из старинных дворянских родов, не то, что остальные. Почему бы им не дружить или хотя бы не общаться? Это... не Васька Гончаров с его предками-работягами!

Катя криво улыбнулась: вообще-то Оболенский не очень походил на аристократа. И на поэта не походил. Уж слишком большущий и бесцеремонный – ни хрупкости в нем, ни томности, как творческой личности положено. И... грубоватый, да. Даже наглый. А еще стихи пишет!

Катя покраснела, вспомнив, как подошла к Оболенскому на школьном вечере, посвященном Пушкину. Спросила, гордится ли он своей фамилией – ведь не так много

после советской власти осталось в России дворян. Само собой, добавила, что тоже может гордиться предками и собственной кровью.

А бессовестный Оболенский заржал как конь! Мол, княжеские фамилии носили в царской России и крепостные крестьяне. Так что сама фамилия ни о чем не говорит. К тому же в нашей стране аристократов не осталось, даже если предки у кого-то и были ими. Ведь дворяне – прежде всего воспитание и образ жизни. То есть, служба стране, жизнь во благо и ради интересов России, это передавалось из поколения в поколение, а после революции цепочка прервана, к чему теперь зря языком трепать?

Шпарил почти как мама, у Кати даже зубы занули!

– Значит ты из крепостных? – язвительно поинтересовалась Катя.

– Какая разница? – пожал плечами Оболенский. – Я – это я. Кем себя сделаю, тем и буду. – И будто погрозил кому-то: – А я таки себя сделаю!

Катя растерянно молчала, Толик весело пояснил:

– Буду первым в своем роду, основателем, так сказать, пусть потомки от меня род считают и мной гордятся. Чтоб не я чей-то там сын или праправнук, а на меня ссылались!

Этот нахал даже не пригласил Катю танцевать! Потрепал по щеке, как малышку-первоклассницу и отошел к парням. А Катя стояла красная от злости, потому что на нее с ехидством смотрели девчонки из параллельного класса. Противный Оболенский всем нравился, вот только подойти к нему никто из восьмиклассниц не осмеливался, одна Катя рискнула.

«И ничего в нем хорошего, – угрюмо сказала себе Катя. – Подумаешь – фамилия! Может, он, правда, из крепостных. А что? Рост, плечищи – прямо мужицкие, на таком медведе только пахать. А Оболенский стихи кропает, девчонки говорят – в литературный институт собирается. Глаза, конечно, у него...»

Катя раздраженно передернула плечами. Девочке не хотелось сознаваться, что Оболенский ей нравится. И его лицо кажется значительным, совсем взрослым, и насмешливые синие глаза никак не забываются. Как и упрямый тяжеловатый подбородок. И выразительный крупный рот. И забавные усики над верхней губой. И сросшиеся темные брови, лохматые и смешные, ни у кого Катя таких не видела...

Катя поморщилась, отгоняя непрощенные мысли, и сердито окликнула подругу:

– Ты тут ночевать собралась?

– Ручку никак не найду, – виновато сказала Лена. – Я ее только вчера купила.

– Ничего, сегодня новую купишь, – отмахнулась Катя. – Ты ее наверняка потеряла или отдала кому-нибудь. И забыла.

– Да нет вроде бы...

– Слушай, пошли, а? Я тебе гелевую отдам, у меня две в сумке, уже надоело в дверях торчать!

– Ладно. Правда, по дороге куплю...

Девочки брели, изредка настороженно поглядывая друг на друга и не прерывая молчание. Смотрели по сторонам. Потоптались у закрытого киоска, вяло

повозмущались и пошли к следующему.

Катя перепрыгнула через лужу и раздраженно воскликнула:

– Вот как тут о Новом годе стихи писать, если еще и снега нет? Зима называется! Никакого предновогоднего настроения! Русский Север, тоже мне, а в Европе наверняка считают, что у нас сугробы по крыши намело ...

– И мне дожди надоели, – Лена обошла лужу, не решаясь прыгать и проклиная собственную неуклюжесть. – Но я в интернете смотрела, со следующей недели обещают похолодание.

– На этой неделе тоже обещали снегопады!

– Это да. Они свои прогнозы меняют, как хотят.

Лена поскользнулась на размокшей картонке и едва не упала. Катя поддержала ее под локоть и сердито прошипела:

– Ты когда под ноги смотреть научишься? Все джинсы мне обрызгала, слоняра несчастная!

– Я нечаянно...

– Еще бы ты нарочно!

Лена мучительно покраснела и вырвала локоть. Катя примиряюще заметила:

– Не обижайся, я же не со зла, я по-дружески. И потом, тысячи раз тебе говорила – худеть надо!

Лена промолчала. Катя с деланным равнодушием спросила:

– Ты в конкурсе собираешься участвовать?

– А ты? – Лена отвела глаза.

– Я первая спросила!

– Наверное, буду.

– Да-а? Ты же обычно их игнорируешь!

– Просто... это первый конкурс, в котором я имею хоть какие-то шансы.

– Ты о чем?

– Не могла же я участвовать в конкурсе бальных или народных танцев, – смущенно буркнула Лена. – И любые карнавальные костюмы мне как корове седло, только не говори снова, что худеть нужно! И рисовать я не умею...

– А стихи писать, значит, умеешь? – ехидно поинтересовалась Катя.

– Может, и не умею, – Лена вытащила из кармана куртки десять рублей и свернула к киоску – ручку нужно все-таки купить, пусть и самую дешевую. Обернулась к подруге и хмуро добавила: – Но все равно пишу, понимаешь? Так, для себя.

– И часто?

– Не знаю, – Лена сунула купленную ручку в кармашек сумки. – По настроению. То пусто, то густо.

– А сейчас у тебя есть настроение?

– Сейчас нет. А вот на уроке, когда Луиза Ивановна объявила о конкурсе...

– Хочешь сказать – ты уже одно стихотворение написала? – Катя смотрела недоверчиво.

– Ну... да. Кажется.

– Как это – кажется? Ты что, сама не знаешь – написала или нет?

Лена тяжело вздохнула:

– Понимаешь, когда пишу, мне кажется – все получается, все здорово. А потом, позже...

– И что – позже?

Лена пожала плечами.

– Не нравится, что ли? – спросила Катя.

– Ага. Простенько как-то. Или слишком вычурно. Надуманно. Стишки, а не стихи, понимаешь? Рифма есть, а поэзии...

Катя насмешливо хмыкнула. Лена печально сказала:

– Талант нужен, только кто ж его знает, что это за зверь, есть он или нет...

Девочки помолчали. Свернув во двор – они жили в разных подъездах одного дома – Катя сварливо попросила:

– Все равно прочти, что ты там сегодня наваяла!

– Думаешь, наизусть помню?

– Разве нет?

– Ну, пока не закончу, помню, потому что мучит, – неохотно признала Лена. – Слова цепляются одно за другое, притираются, мешают, пока... не встанут на места.

– А когда встанут? – с любопытством спросила Катя.

– Тогда забываю. Тогда другое в голову лезет. Что-нибудь новое. Даже иногда не заснуть, представляешь?

– Нет, не представляю, – буркнула Катя. Остановилась у своего подъезда и сердито спросила: – Значит, не прочтешь?

Лена неохотно полезла в сумку. Долго копалась там, выуживая нужную тетрадь. Вырвала лист и протянула подруге:

– Вот. Сама читай.

– Ничего себе – накалякала! – ахнула Катя. – Тут же черт ногу сломит!

Лена заглянула через плечо и угрюмо подсказала:

– Это... черновик. Ты на другой стороне смотри, я там набело переписала.

Катя перевернула лист и пробормотала:

– Это уже на что-то похоже, хотя почерк у тебя... Как курица лапой, вот честное слово!

Лена хрипло откашлялась. Она то краснела, то бледнела от волнения, ожидая суда подруги.

Катя небрежно прочла вслух:

– Новый год в России! Это, я так понимаю, название.

Лена кивнула и жалко улыбнулась.

– Э-э... ну, что там у нас? Ага... читаю с выражением:

Шампанское, икра, маслины, шоколад,

Салаты, утка, апельсины, виноград...

Часы безжалостны, вот-вот через порог

Гостей пойдет поток.

Притихли дети в ожиданье сказки,
Владычица сердец сверкает мишурой.
И лица взрослых прячутся под маски,
Они всего раз в год живут игрой.
Все замерли... Курантов звучный бой
Россию в Новый год зовет с собой!

Лена разжала кулаки и машинально посмотрела на ладони: следы ногтей выделялись отчетливыми полумесяцами.

– Ну... как? – прошептала она.

–Ничего вроде бы, – Лена легкомысленно помахала в воздухе листком. – Только я пока не очень поняла, мне нужно дома спокойно посмотреть. И прочесть еще раз, не спеша. Хорошо?

– Ну... ладно.

– Тогда пока!

ГЛАВА 4 ПАПКА НА РАБОЧЕМ СТОЛЕ

Катя вяло ковыряла вилкой в тарелке, аппетита совершенно не было. И настроения идти в школу не было, одно радовало: сегодня пятница, завтра-послезавтра выходные. Слава Богу, с середины декабря отменили занятия по субботам, школа готовилась к новогодним праздникам, слишком много времени занимали репетиции.

Катя подошла к окну и хмуро улыбнулась: наконец-то падал снег. Редкие крупные хлопья тяжело опускались на влажный подоконник и практически сразу таяли. И на асфальте снег не хотел лежать, зато траву на газонах словно крупной солью посыпали. Никак в этом году не устанавливались морозы, а ведь уже восемнадцатое число...

Катя прижалась лбом к прохладному стеклу и подумала, что не помнит такого несуразного декабря. Приближение Нового года почти не чувствуется, хотя город старательно украшают, на площадях и у всех крупных магазинов установили живые елки, все-таки через неделю католическое рождество, его полмира отмечает.

В родительской спальне что-то с грохотом упало, Катя оглянулась и пожалала плечами: мама с папой в последнее время вели себя странно. Все время запирались у себя и о чем-то спорили, мама даже плакала.

Катя вначале переживала, у Риты Сандуленко недавно разошлись родители, а вдруг...

Рита рассказывала: они почти полгода перед разводом ругались. Мать вечерами рыдала, а отец не всегда приходил ночевать, а если и возвращался домой, то очень поздно, и они сразу же начинали скандалить. Рита учиться хуже стала, с ума сходила, чувствовала себя виноватой непонятно с чего. И не знала, с кем хочет остаться – с отцом или матерью. А ее никто и не спрашивал! Просто однажды отец исчез на целую неделю, в квартире стало тихо-тихо, словно кто-то умер. А потом мама сказала, что они развелись. Цивилизованно. А с папой Рита может встречаться на «нейтральной» территории. А где она, эта нейтральная территория? Весь мир, получается, кроме Ритино дома. И отец затерялся на этих квадратных километрах, будто его никогда и не было. И Риту в самом деле нашли в капусте, как заверяли в раннем детстве. Лучше б и правда – ее аист принес!

Катя, прислушиваясь вечерами к сердитым родительским голосам, чуть не заболела, так ей было страшно. И позавчера не выдержала: взяла и зашла в спальню прямо во время очередной ссоры. И закричала, размазывая по лицу злые слезы:

– Учтите, если вы надумали разбежаться, как Риткины предки, я ни с кем из вас не останусь, потому что вы оба предатели! Я лучше из дома уйду, да! Бродягой стану или к бабушке в Ростов уеду!

Катя не помнила толком, чем грозила родителям, а пришла в себя от громкого папиного смеха. И мама как-то чересчур весело ее заверила, что они с папой разводиться не собираются, они нежно любят друг друга и надеются умереть в один день. На что папа закричал – чур, он раньше. А мама показала ему кулак и заявила, что

как джентльмен он должен уступать дорогу дамам, а уж ТАМ она его подождет, пусть не переживает. И Катя совершенно успокоилась.

А вот из-за чего они ссорились практически каждый день, мама с папой отказались говорить наотрез. Мол, много будешь знать, плохо будешь спать. Или: любопытному на днях оторвали нос в дверях. Еще: любопытной Варваре на базаре нос оторвали.

Короче, отделались шуточками! И почти убедили Катю, что никак не могут договориться насчет некоторых «аспектов» празднования Нового года и Рождества. А Катя даже толком не знала, что такое «аспекты». Хотела заглянуть в словарь, но так и не собралась.

Катя повернулась к столу и хмыкнула: мама с папой со своими «аспектами» явно сошли с ума. Омлет в тарелках совсем остыл, а кофе в чашках подернулся противной белесой пленкой. И на работу они могут сегодня опоздать, если не вспомнят о времени.

Интересно, из-за чего сыр-бор? Может, папа вдруг решил встретить Новый год в настоящем лесу у заснеженной елки, помнится, он когда-то предлагал, а мама его высмеяла? Или маме приспичило лететь в Ростов – мол, во всем мире дети к Рождеству едут к родителям и вместе с ними сидят за праздничным столом, при горящих свечах. К тому же бабушка так чудно печет пироги, а рождественского гуся дедушка лично откармливает к празднику грецкими орешками...

Катя на цыпочках подошла к родительской спальне, надеясь хоть что-нибудь услышать и понять, что происходит. Но ей не повезло, как раз в этот момент папа распахнул перед мамой дверь и подмигнул дочери:

– Подслушиваем?

– Вот еще! – обиделась Катя. – Просто хотела сказать: все давно остыло, а вы можете опоздать на работу.

– Никогда! – папа энергично помахал перед Катиным носом пальцем. – Никогда уважающий себя мужик никуда не опоздает! Разве только из-за форс-мажорных обстоятельств...

– Это каких-таких «форс-мажорных»? – заинтересовалась Катя: вдруг в школе пригодится?

– Ну, небо рухнет на землю или я попаду под машину... – почесал затылок папа.

– Типун тебе на язык! – прикрикнула мама.

Папа засмеялся. Мама притянула к себе дочь и нежно поцеловала в лоб. Потом бросила на Катю затуманенный слезами взгляд, и голос ее дрогнул от волнения:

– Какая ты большая...

– Мам, да что происходит? – рассердилась Катя.

– Ничего, – выглянул из кухни папа. И со смешком заявил: – Просто твоя мать сходит с ума: вдруг ты выиграешь свой стихотворный конкурс и уедешь в Европу? Вот и переживает заранее! Не хочет тебя отпускать. Одну. Не доверяет!

– Как это? – Катя недоуменно моргнула.

– Так это, – снова подмигнул ей папа. – Не доверяет и все. Мол, мало ли что там с

тобой может случиться?

Катю бросило в жар, ей стало не по себе. Сейчас она искренне жалела, что рассказала родителям про новогодний конкурс. Особенно жалела, что выдала за свое Ленкино стихотворение. Она сама не знала, как это получилось!

Просто мама с папой почти каждый день за ужином интересовались, как у Кати дела. «Как дышится и как пишется». И смотрели на дочь так, словно ничуть не сомневались в ее таланте.

А у Кати как назло ничего не получалось! То ли настроения подходящего не было, то ли она такая тупица страшная. Обидно. Ведь почти все одноклассники хвастались, что приготовили к классному часу по стиху, даже Верка Сидоренко таинственно жмурилась и уверяла, что ее в классе плохо знают, недооценивают, а она ТАКОЕ написала, ТАКОЕ...

У Кати же ничего толкового не выходило, хоть плачь. Она просто бездарно рифмовала «шарики-фонарики, год-лед, счастье-нечастье, снег-бег, мандарины-апельсины»... Не вручать же ЭТО Луизе Ивановне, чтобы весь класс над ней потешался? Лучше уж сделать вид, что ей конкурс совсем не интересен. Мол, пусть всякие Ленки-Верки в нем участвуют, а она, Катя, выросла из детских игр, к чему ей?

Катя плохо помнила, когда она забила Ленкино стихотворение в свой комп, зачем папку обозначила словом «конкурс». Честное слово, она ничего плохого не хотела! Но... Ленка сама виновата. Она ни разу не вспомнила про стихотворение, которое отдала Кате. И давным-давно написала другие стихи, не одно и не два. И сама сказала Кате – вчера! – что уже выбрала лучшее стихотворение – вернее два небольших, под общей шапкой «Этюды» – их-то и отдаст в пятницу Луизе Ивановне.

Если честно, Катя и не врала родителям! Ну, почти. Просто, когда папа снова пристал к ней с конкурсом, Катя смущенно пробормотала, что он может заглянуть в папку на рабочем столе. Папа с мамой вместе побежали к компьютеру, даже кофе не допили. И прочли это дурацкое Ленкино стихотворение «Новый год в России». И распечатали его. На трех листах, по экземпляру на каждого. И захвалили ее, Катю, зацеловали, она едва удрала от них в свою комнату и закрыла за собой дверь.

Сидела там до самой ночи, уронив голову на стол, и злилась на Ленку: это из-за нее все! Расхвасталась, сунула зачем-то свой кошмарный стишок, всучила, можно сказать против Катиной воли... И что ей, Кате, теперь делать? Катя с ненавистью смотрела на четкие строчки стихотворения и слышала сквозь плотно закрытую дверь веселые голоса родителей. Они явно ею гордились. А она – воровка!

Хотя... может, Плющенко уже забыла о своем первом стихотворении? Она говорила, что быстро забывает уже написанное, а ведь почти целая неделя прошла, к тому же у Ленки и черновика не осталось, он у нее, у Кати. Запросто забыла! Ленка, она рассеянная, жуть просто. Всегда такой была, сколько Катя ее помнит. То не те учебники в портфель положит, то ручку забудет, то спортивную форму на физкультуру, то в воскресенье в школу притащится, несколько раз такое случалось, сумасшедшая она, Ленка, вот ей богу!

А до конкурса еще уйма времени. Она, Катя, может отдать Луизе Ивановне стихотворение не в эту пятницу, а в следующую, тогда еще больше времени пройдет,

Плющенко и словечка из этого стишка не вспомнит. А если что в ее дурной голове и всплывет, можно соврать. Например, заверить Ленку, что Катя уже читала ей СВОЕ стихотворение примерно неделю назад, как только написала... А что? Неплохой выход! Плющенко, она настоящая курица, доверчивая и глупая, она и мысли не допустит, что можно так бессовестно врать.

И потом, что плохого Катя собирается сделать?! Ведь ничего. Катя угрюмо усмехнулась: все равно стихотворение, считай, потеряно для всех. И для Ленки тоже. А она, Катя, не даст ему умереть. Благодаря Кате, его услышат и другие.

Дурочка Плющенко все равно никому не показывает свои стишата, стесняется, видите ли. Толик Оболенский не стесняется, даже печатается в журналах разных, на вечерах всей школе читает, а Ленка...

Все, решено! Катя не даст пропасть невинному стихотворению. Раз уж так получилось... Практически и не по ее вине... Судьба, выходит!

Но сейчас Кате вовсе не казалось, что все хорошо. Может, из-за плохо скрываемой папиной гордости? Или маминых слез, уж она-то их и не думала скрывать. Смотрела на дочь так, словно Катя вот-вот уедет в далекую Европу и там с нею что-то случится, непременно страшное.

Вдруг мелькнула мысль: как только Ленка сказала – мол, не помнит только что написанного стихотворения, уже тогда Катя планировала... Нет, не может быть! Катя помрачнела: но ведь зачем-то она забрала мятый, исчерканный Плющенко листок домой? Зачем-то соврала, что собирается заняться Ленкиной работой попозже? А сама ни слова Плющенко не сказала об этом стихотворении! Будто забыла.

Катя шмыгнула носом: Ленка-то и в самом деле забыла. А могла и постесняться напомнить, Ленка, она такая. Впрочем, еще ничего страшного не случилось. Проклятое стихотворение лежит между страницами учебника по литературе, никуда Катя его не отдавала и не отдаст.

Напрасно мама заранее страдает, Катя вовсе не собирается участвовать в конкурсе. Хотя... родителям об этом знать не обязательно!

И Катя мягко сказала:

– Мам, я же еще не выиграла.

– Выиграешь, – мама нежно коснулась ее щеки, Катя вздрогнула и отстранилась.

– Ма, ты не представляешь, кто только не участвует в этом конкурсе! – с досадой воскликнула она. – Толик Оболенский даже в литературных журналах печатается, а Ленка Плющенко с пеленок стишки кропает, знаешь, какие они у нее классные?

– И у тебя хорошие, – улыбнулась мама.

– Даже если ты не выиграешь конкурса, – заверил папа, – все равно твое стихотворение для нас с мамой самое-самое...

На это Катя не нашлась, что ответить. Лишь вздохнула и пошла в школу: и о чем с ними после этого говорить?!

ГЛАВА 5 КЛАССНЫЙ ЧАС

На классном часе Катя сидела за своим столом одна, без подруги. У Плющенко после четвертого урока заныл-заболел недавно запломбированный зуб, и она отпросилась в поликлинику.

Кате показалось: Ленка радуется, что уходит. Ведь наверняка трусит! Потому и оставила ей, Кате, свои «Этюды», не хочет присутствовать при разборе «полетов». Сказала – пусть как получится. Она вечером позвонит и узнает, приняли ли ее работу на конкурс.

Лицемерка! Будто не понимает, что лучше нее вряд ли кто-нибудь напишет. Ленкины сочинения вечно самые-самые, Луиза Ивановна почти всегда их зачитывает классу. Даже иногда обсуждать заставляет, прямо будто не Плющенко старалась, а какой-нибудь настоящий писатель.

Катя раздраженно посмотрела на лежащий перед ней лист бумаги и зачем-то вынула из учебника литературы первое Ленкино стихотворение. Сказала себе, что просто хочет сравнить, имеет же право? Перечитала обе работы и невольно поморщилась. Сейчас казалось, что новые стихи лучше, сложнее, значительнее. «Новый год в России» словно ребенок написал, никаких в нем красотостей.

И пусть! Катя воровато оглянулась. Рука ее самовольно схватила ручку, и девочка, сжав зубы, печатными буквами написала свою фамилию, имя, класс и даже школу. И сунула лист под Ленкины «Этюды».

«Все равно стих пустяшный и конкурса не выиграет, – сказала она себе. – Это просто чтобы не объяснять Луизе Ивановне, почему я ничего не принесла. Не говорить же, что я полнейший бездарь, даже четверостишия не сложила! Все что-то принесли, чем я хуже...»

Приняв решение, Катя выпрямилась и преданно уставилась на учительницу, щеки ее горели. Только теперь она могла воспринимать все происходящее в классе, до этого и не слышала ничего, будто уши были ватой заложены.

Класс гудел как осиный рой. Луиза Ивановна, перекрикивая взволнованный шум подопечных, объясняла, как пройдет сегодняшнее обсуждение.

Сказала, что соберет все работы, перетасует листы как карты, и будет зачитывать стихотворения, не называя авторов, чтобы ребята судили беспристрастно. После каждого прочтения восьмиклассники проголосуют, отправлять ли работу на конкурс. И только после классного часа Луиза Ивановна назовет авторов этих стихотворений. У остальных, не вышедших в финал – их фамилии оглашены не будут! – впереди целая неделя, до следующей пятницы. Они тоже вполне могут попасть в финал, если учтут свои сегодняшние ошибки.

– Как же – неделя, – недовольно проворчала Вера Сидоренко. – Толку от нее? Я уже ни на что не способна, можно сказать – выжата как лимон. Я даже ночами писала, вот честное слово! – И гордо добавила: – Из пятнадцати стихов я самый классный на конкурс выбрала!

– С личика спала, бедненькая, – ехидно хмыкнула Катя. – Наверное, не ела, не пила, все рифму подбирала!

– Катька, ты в последнее время прямо-таки змея подколодная, – громогласно заявила Вера. – Только зря ужалить пытаешься, я и в самом деле почти на три килограмма похудела!

– Девочки, как вам не стыдно, – воскликнула Луиза Ивановна. – Катя! Вера!

– А я что, я – ничего, – ухмыльнулась Сидоренко. – Это все Ивлева! Я, Луиз Ванна, жду, когда же вы начнете!

– Правда, давайте, начнем, – проныла Валя. – А то у меня нервный срыв будет, все поджилки трясутся, клянусь...

– Ага, – согласился Олег Огнев. – Говорят: пытка ожиданием – самая страшная, я где-то читал.

– А любые пытки запрещены международной конвенцией! – весело закричал Васька Гончаров. – Так что вот вам новый лозунг – превратим камеру пыток в обычный класс средней школы! Луиз Ванна, имейте сострадание!

Луиза Ивановна засмеялась и пошла по рядам, собирая работы. Катя настороженно отметила, что почти на всех столах лежат листы бумаги с распечатанными стихотворениями. Хорошо, что по условиям конкурса принимается только один стих, самый лучший на взгляд автора, а то бы катастрофа, они бы здесь до позднего вечера застряли, читая все подряд.

Чем ближе подходила Луиза Ивановна, тем хуже становилось Кате. За пару минут она несколько раз прятала в стол свой лист и столько же раз доставала, то краснея, то бледнея, не зная, на что решиться.

В эти секунды Катя буквально ненавидела Плющенко: из-за нее все! Ведь если бы Ленка осталась, а не сбежала с классного часа из трусости, перед Катей не стоял бы ужасный выбор.

Ну и пусть, раз так! И Катя дрожащей рукой протянула Луизе Ивановне оба листа. Учительница легко коснулась Катиного затылка и ободряюще сказала:

– Не волнуйся, это же обычный новогодний конкурс. Они каждый год проводятся, не один, так другой...

– Ага, очень обычный, – проворчала Рита Сандуленко, нервно сминая и вновь расправляя лист со стихотворением, – ну просто – очень!

Восьмиклассники натужно рассмеялись, наблюдая, как учительница собирает последние работы.

Катя непроизвольно привстала, больше всего на свете ей сейчас хотелось под любым предлогом забрать свой лист. Сказать, допустим, что она решила еще немного поработать над стихом.

– Катя, ты что-то хочешь предложить? – спросила Лиза Ивановна.

Она села за стол и выровнила перед собой стопку, та получилась довольно внушительной.

– Может, хочешь помочь мне зачитывать?

– Вот еще! – возмущенно закричала Валя Кудрявцева. – Она потом растреплет всем, чьи стихи не прошли! Я не хочу, чтобы надо мной кто-то смеялся, если стих

неудачный!

– Правда, лучше вы сами читайте, – прошептала Рита.

– А то Ивлева может ТАК прочесть... – хмыкнула Вера. – Я ей не доверяю!

– Очень мне надо читать твое стихотворение, прямо всю жизнь мечтала, не ела, не спала, – зло прошипела Катя. – Я просто хотела пересесть на Ленкин стул, вот и встала!

– Тогда пересаживайся, Катя, и начнем, – Луиза Ивановна ласково огладила стопку. – Видишь, сколько в нашем классе поэтов...

Катя сидела, нет, почти лежала грудью на столе, и жалела, что ее стихотворение не попало Луизе Ивановне в числе первых. Непонятно, как она перемешала листки, но ни Катин «Новый год в России», ни Ленкины «Этюды» все не попадались и не попадались.

Пока Луиза Ивановна не начала читать, Катя сама не знала: хочет ли, чтобы «ее» стих прошел в финал. Зато теперь не сомневалась: точно пройдет. Уж очень беспомощными, жалкими оказались практически все работы! Будто первоклассники развлекались, рифмовали.

Катю удивляла выдержка Луизы Ивановны, она никак не показывала своего отношения к прочитанному. Даже когда ребята откровенно хохотали и язвительно прохаживались по адресу очередного доморощенного «поэта», она ни разу не позволила себе ни одного критического замечания.

Из полутора десятка прочитанных стихов восьмиклассники пока пропустили лишь один, он оказался хоть немного лучше прочих. Но Кате, если уж честно, и он не понравился. Ну что это за дурацкая концовка: «Новый год у ворот, здравствуй Новый год»?

Зато ребята сразу насторожились, когда Луиза Ивановна, взяв следующий лист, замаялась. Все видели, что она прочитала стихотворение про себя и даже не один раз. Потом посмотрела на класс и взволнованно произнесла:

– Танка! К сожалению, мы пока японской поэзии не касались даже на факультативе...

– Чего-чего? – озвучила всеобщее удивление Вера. – Что за танки?

– «Танка», слово не склоняется, – поправила ее Луиза Ивановна. – Это пятистишие. В вашем понимании – белый стих.

– Белый – это как? – басом поинтересовался Илья Фомин.

– Нет рифмы, – коротко пояснила учительница.

– А что, есть и черные стихи? – Илья демонстративно поскреб затылок.

– Есть черный юмор, – фыркнул Огнев Олег. – Например, твой.

– И какой умник написал эту вашу танка? – Вера смотрела неприязненно.

– Не говорите, это нечестно, – пискнула Наташа.

– Лучше прочтите, – потребовала Рита. – Сами сказали – это стих. Пусть и без рифмы.

– Шустрая какая, – возмутилась Вера. – Я без рифмы, знаешь, сколько накатать могу? По стиху в час, не меньше!

– Не скажи, – покачала головой Луиза Ивановна. – Главное требование остается в силе: это должна быть именно поэзия, а не неуклюжие нерифмованные строки о зиме.

– А там что, поэзия?! – грозно спросила Вера.

– Сами решайте, вы сегодня такие же судьи, как и я, – пожала плечами Луиза Ивановна.

– Ну, так читайте! – крикнул Огнев. – Время же идет, мне еще на тренировку сегодня!

– А мне на музыку, – сказала Валя и покраснела: она терпеть не могла музыкальную школу.

– Хорошо. Называется это стихотворение – «Зарисовка». Ну, слушайте:

Сумрачен мир за окном.
Ни земли, ни неба, ни солнца.
Серебром дышит все!
А снегирь на снегу —
Как обещанье весны.

Луиза Ивановна выжидающе смотрела на притихших восьмиклассников. Все молчали. Катя украдкой скользила взглядом по рядам, пытаясь угадать автора. И не знала, на ком остановить выбор, все выглядели слишком... обыденно!

Гончаров громко сопел, ну, Ваську-то стихи не интересуют, это не бокс и не футбол. Наташа мечтательно смотрела в окно. Валька изумленно таращила глаза на учительницу... А Ленка Плющенко точно не писала эту... этот... танка, короче. Надо же, какое странное название для обычного белого стиха! Или у японцев это что-то совсем другое? Вовсе не белый стих?

– Но это же не про Новый год! – почему-то обиженно сказала Света Смолкина.

– И грустное оно какое-то, – озадаченно покачала головой Валя.

– Не в рифму, – оскорбленно буркнула Вера.

– Зато точно поэзия, – застенчиво прошептала Наташа.

– Красиво, – неохотно согласилась Рита Сандуленко. – Интересно, кто написал?

– Узнаем после классного часа, – проворчал Олег Огнев.

– Это если оно пройдет в финал, – мстительно заметила Вера.

– Сомневаешься? – удивился Олег.

– А она будет голосовать против, – фыркнула Катя. – Не она же написала!

– Ты, Ивлева, дома рот прополоскай, – обманчиво ласково посоветовала Вера. – И как следует. А то собственным ядом отравишься!

– Ах ты...

– Прекращаем ссоры! – прикрикнула Луиза Ивановна. – И голосуем, время действительно поджимает.

Странное стихотворение единогласно прошло в финал. Зато после него одно за

другим так же единогласно забраковали шесть работ подряд. Седьмым оказались Ленкины «Этюды». И Катя как сквозь сон слышала выразительный голос Луизы Ивановны:

Новогодняя ночь –
звон бокалов хрустальный.
Запах срубленной елки –
горьковатый, печальный.
Хоровод огоньков,
танец звезд за окном.
Старый год незаметно
вводит Новый в наш дом.

Жемчужное, низкое небо,
и звездами падает снег.
Волшебная ночь опустилась на город,
и время ускорило бег.
Центральная площадь, здесь гостя из леса,
на ней – золотые шары.
И дивными снами кружатся над нами
далекого детства миры.

Катя ничуть не удивилась, когда все до одного проголосовали «за». А противная Верка Сидоренко язвительно – хоть руку и тянула! – прокомментировала:

– Елки-палки, развелось поэтов на мою голову! Конкуренты, чтоб их! А пишут-то... блин, как взрослые!

– А ты считаешь, мы еще дети? – засмеялась Валя.

– Представь себе – считаю!

– Что, и писала, как первоклассница?

– Нет, как восьмиклассница! Всего лишь! – огрызнулась Вера. – Зато мой стишок любой ребенок поймет и на утреннике запросто прочтет. А эти... ха – их только Луиза Ивановна и осилила!

– Тут ты права, – не стала спорить Валя. – Красиво, но сложно как-то...

– То-то же!

После Ленкиных стихов одноклассники притихли и как-то обреченно провалили несколько работ подряд. Зато потом радостным гулом встретили «Катино» стихотворение и еще одно, совсем, на Катин взгляд простенькое:

Выгляни скорей в окно.
В городе белым-бело.
Наши улицы и скверы
Чистым снегом замело.
Ночью сильно вьюжило,
То декабрь плел кружево.
А на ветви берез
Их развешивал мороз.
И на стекла дышал
На радость малышам.
Он крепил на реках лед,
Провожая старый год!

Луиза Ивановна прочла его очень весело, ребята даже зааплодировали. А Вера Сидоренко так страшно покраснела, что все мгновенно догадались, кто автор.

Васька одобрительно хлопнул Веру по плечу, а Валя звонко сказала:
– Не такое уж оно и детское!

Всего на классном часе отобрали семь стихотворений, Луиза Ивановна заявила, что это не так уж мало. Мол, в параллельном восьмом в финал прошли только три человека, правда, там и сдали всего десять работ.

К Катиному изумлению, таинственный танка написал Васька Гончаров. Кто бы подумал, это что-то невероятное: Васька и стихи!

ГЛАВА 6 СТРАННЫЙ ВЕЧЕР

Сразу домой Катя не пошла. Позвонила маме и сказала, что забежит к однокласснице, ведь в субботу в школу не идти, спешить некуда, уроки она и завтра сделает. Пообещала вернуться к восьми вечера – может, они в кино сходят, Катя еще ни разу в новом кинотеатре не была.

Лене Плющенко Катя отправила смску. Не хотелось с ней разговаривать, рассказывать о классном часе, отвечать на вопросы. Главное, Плющенко теперь знает – ее работа вышла в финал.

Катя действительно забежала на полчаса к Вале, не хотела снова обманывать маму. Поболтала ни о чем и на всякий случай – чтобы Кудрявцева не ломала голову над ее приходом, они никогда особенно не дружили – попросила у Вали гоголевские «Мертвые души». Ну, потеряла она свою книгу где-то!

Потом Катя пошла в кино, вот только так и не поняла толком, о чем фильм. Какой-то стандартный американский боевик, где без конца стреляли, дрались, взрывали машины и самолеты, разбивались, умирали, выбрасывали людей из поезда и из окон высотных домов... Катя испуганно жмурилась в особо страшных местах. Ахала в унисон с залом. Заранее знала, что главный герой – обязательно положительный! – всех побьет. И с аппетитом ела попкорн. И хоть эти два часа думать не думала о злосчастном классном часе!

Родная квартира встретила Катю странной тишиной, хотя и папа, и мама на сегодня взяли отгулы – якобы, перед праздниками нужно побегать по магазинам. Будто субботы-воскресенья им мало! К тому же сегодня только восемнадцатое декабря, до Нового года уйма времени, а до Рождества еще больше, они же не католики.

Полное безмолвие обмануло Катю, она решила, что родителей нет дома. Неохотно переделась – настроение было ужасным, руки буквально опускались, ничего делать не хотелось.

Она заглянула на кухню: на столе стояла тарелка с горячим борщом. Получается – мама с папой заходили домой и только что убежали по магазинам.

Девочка протяжно вздохнула: интересно, что они ей подарят? Хорошо бы нечто шикарное, не детское, что не стыдно надеть на новогодний вечер. Чтоб... Оболенский наконец выделил ее из толпы своих глупых поклонниц. И даже влюбился. Насмерть!

Катя, помедлив, села и заставила себя съесть пару ложек. И замерла над тарелкой в странном оцепенении: зачем, зачем она отдала Луизе Ивановне проклятое стихотворение?! Катя сердито фыркнула: мама с папой не считаются. Подумаешь, она совсем немножко их обманула, даже не обманула – разыграла, можно ведь и так сказать. Но как она могла над Ленкиной работой написать свою фамилию, а?! Да еще указала класс, школу, будто боялась – ее не найдут, чтобы вручить выигрыш. Или перепутают с какой-нибудь другой Катей Ивлевой, интересно, есть на белом свете ее полная тезка или вряд ли?

Нет, какая она, Катя, несчастная! Другие девчонки живут припеваючи, ни забот у

них, ни хлопот, все у них есть, хоть птичье молоко, хоть брильянты, хоть звезды с неба...

Катя мрачно усмехнулась, вспомнив свое глупое, совершенно детское письмо деду Морозу – и что на нее тогда нашло?! Написала его украдкой, отправила украдкой, наверное, умерла бы от стыда, если бы кто-нибудь о письме узнал, особенно из одноклассниц. Засмеяли бы, точно! Катя смущенно шмыгнула носом: такие письма только наивные малыши пишут. Дошколята и первоклассники.

Но как жаль, что на самом деле деда Мороза нет! «Было бы здорово завтра проснуться далеко-далеко отсюда, скажем, во Франции, Германии или Англии, – угрюмо подумала она. – Принцессой или герцогиней, как я просила. – Катя мечтательно улыбнулась. – Да, классно. Ничего бы не делала, наплевала бы на этот кошмарный конкурс, днями напролет мерила бы бальные платья, драгоценности, ездила бы в фирменные дорожные магазины или на балы – вот это жизнь...»

Есть не хотелось. Катя как сомнамбула побрела в зал – перед телевизором посидеть, что ли? Правда, мама с папой заверяли, что кроме новостей смотреть там нечего, но Катю прямо с ума сводила тишина в квартире. Пусть хоть телевизор гундит, лишь бы не думать о Ленкином стихотворении, выданном за свое.

Катя включила телевизор. Повернулась к дивану и непроизвольно отпрянула: родители! Сидят рядышком, плечом к плечу, в полумраке, даже свет не включили, оба какие-то несчастные, у мамы опять глаза заплаканные...

– Что-нибудь случилось? – испуганно прошептала Катя, мгновенно забыв о собственных несчастьях.

Мама с папой одновременно ответили:

– Да.

– Нет!

Потом переглянулись и хором сказали:

– Конечно, нет!

Мама откашлялась и хрипло пробормотала:

– С чего ты взяла?

Папа с фальшивой бодростью поддакнул:

– У нас все прекрасно! Мы тут просто... э-э... размышляем!

– Думаем о подарках, кому что купить, – мама бледно улыбнулась.

– Пospорили немного...

– Но уже все в порядке! Пришли, так сказать, к консенсусу!

– Что, и ревела ты поэтому? – недоверчиво спросила Катя.

– Я – ревела?!

– Ревела-ревела, – папа подмигнул дочери. – Сериал какой-то вздумала смотреть, слезливый, как все они. Короче, Катька, никогда не смотри бразильские сериалы, они того не стоят!

– Будто я смотрю, – проворчала Катя. – Лучше скажите, что вы мне к Новому году подарите!

– С ума сошла, Катька, это же сюрприз!

Мамин голос мгновенно стал обычным, и Катя успокоилась. Втиснулась между

родителями на диван и сладко зевнула: ну и день сегодня выдался, все время на нервах. Хорошо, завтра суббота, в школу не идти, можно утром спать, сколько хочешь, и вообще – она не будет больше думать о Ленке и ее жалких стихах!

Катя снова зевнула. Папа ласково потрепал ее по затылку, мама нежно поцеловала в щеку, и Катя сонно пробормотала:

– Как я вас люблю...

– И мы тебя, солнышко, – шепнула мама.

А папа бросил взгляд на часы и предложил перед сном выпить чай с хорошими конфетами. Даже обещал сам все приготовить и накрыть на стол, обычно это делала Катя.

Мама вдруг всхлипнула и обняла дочь за плечи. Папа хмуро усмехнулся и сказал, что больше не разрешит жене смотреть сериалы.

Они как-то невесело рассмеялись, и Катя обеспокоенно подумала: все-таки что-то случилось. Нестрашное. Скажем, мелкие неприятности на работе. Или у мамы вытащили в магазине кошелек. Или у нее перед носом увели что-то классное, новое платье, допустим, или сумочку. Или папа поцарапал свою драгоценную машину? При парковке, так уже случалось... Пустяки, в общем! Раз смеются.

Папа действительно сам накрыл на стол и пригласил маму с Катей к чаю. И смешно за ними ухаживал, предлагая конфеты, толстыми неровными ломтиками порезанный сыр, лимон и печенье.

Катя ела шоколад и улыбалась папиным шуткам. И думала, что все-таки папа не умеет заваривать чай, у мамы получается гораздо лучше. Папин чай слишком сладкий, что ли, и привкус у него... Может, папа добавил в заварку какие-то травы? Катя собиралась спросить об этом, но мысли путались, глаза слипались, почему-то смертельно хотелось спать. «День сегодня какой-то странный, – вяло подумала Катя, роняя голову на стол, не в силах сопротивляться стремительно накатывающей слабости, – хорошо, что впереди выходные...»

ГЛАВА 7 СОН ИЛИ НЕ СОН

Просыпалась Катя с трудом, почему-то кружилась голова. Она лежала, не открывая глаз, и с тоскою вспоминала свой сон, очень необычный, ей еще никогда такие чудные не снились.

Будто она, Катя, старинная принцесса! И путешествует в этом... как его? паланкине! Или в портшезе? Словом, носилки такие, как домик. Она Катя, сидит за бархатными занавесками, а носилки эдак покачиваются, покачиваются... Наверное, поэтому у нее голова кружится.

Жаль, это всего лишь сон. Но даже во сне классно быть принцессой!

Что-то беспокоило девочку, и она недоуменно сдвинула брови, пытаясь сообразить – что именно. И вдруг поняла – отсутствие шума.

Ее окно выходило на проспект Победы, а он едва ли не самый шумный в городе: в восемь рядов мчатся машины, плюс две трамвайные линии. Если открыты окна, не всегда маму с папой услышишь. Папа установил в Катиной комнате кондиционер, чтобы не открывать форточку даже летом.

И вот теперь – полная тишина! Пусть сегодня суббота, движение поменьше, но ведь трамваи все равно должны греметь-звенеть?

Катя побежала было к окну и вдруг замерла, ошеломленная и испуганная: она не узнавала собственную комнату! Она крепко зажмурилась и посчитала до десяти. Осторожно приоткрыла правый глаз и в панике прошептала:

– Мамочка моя, где это я?

Ее небольшая уютная комната – шестнадцать квадратных метров – почему-то за ночь выросла в размерах. И как выросла! Катя по памяти вернулась к кровати и осторожно села, ноги подкашивались. Снова сосчитала до десяти – раньше это всегда ее выручало – и открыла глаза.

Ничего не изменилось. Все равно вместо детской она видела комнату раз в пять больше, с высоченными потолками и узкими стрельчатыми окнами. Яркий солнечный свет падал на пушистый палевый ковер, на большие напольные вазы, почти прозрачные, на бутоны ярко-красных роз в них, на странные диванчики вдоль стен – канапе? – обтянутые нежно-розовым шелком, на огромное настенное зеркало, в котором отражалась она, Катя, испуганная и несчастная. Или не она?

Катя с замирающим сердцем подошла к зеркалу и обреченно вздохнула: не она! Ведь она легла спать в своей любимой пижаме с незабудками, мама все порывалась ее выбросить – мол, старенькая, скоро рассыплется, да и маловата уже...

Катя недоверчиво коснулась пальцами легкой, из тонюсенькой ткани розовой ночной сорочки, дотронулась до воздушной пены кружев на груди и со стоном бросилась на кровать.

Не на кровать, нет! Трудно назвать обычной кроватью это... чудище размером с баскетбольную площадку, установленное в глубокой нише, стены которой завешаны старинными гобеленами.

Где она?!

Катя машинально рассматривала рисунок на одном из гобеленов: охотничью сцену. Мужчины в древних одеждах мчались по полю на лошадях, впереди бежала свора собак, единственная дама сидела на лошади как-то странно, боком, и на ней красивое голубое платье, длинное-предлинное... И дымка леса справа. И тающий в тумане берег большого озера – слева.

Катя на четвереньках подобралась поближе к стене и потрогала ее: в самом деле, ткань какая-то, а вышивка шелковиста на ощупь. «Может, и правда – гобелены», – равнодушно подумала Катя, зарываясь носом в одну из подушек. И упрямо сказала себе, что ее новые обои ничуть не хуже, они с мамой вместе выбирали: по лазоревому фону разбросаны ромашки.

– Я, наверное, еще сплю! – громко сообщила высоченному потолку Катя. Села в постели и радостно воскликнула: – Точно, сплю! И как я сразу не догадалась?!

Она звонко рассмеялась: эта мысль все мгновенно изменила. Теперь Кате не было страшно, стало интересно и весело.

Катя совершенно другим взглядом обвела свою новую комнату: какая красивая! Восторженно повизгивая, попрыгала на кровати. Подбежала к окну и восхищенно замерла: какой прекрасный сад! Жаль, что зима, нет цветников, и Катя попеняла на собственную фантазию: лучше б приснилось лето!

Она как котенок покувыркалась на пушистом ковре и испуганно замерла, когда кто-то укоризненно воскликнул:

– Ваша светлость, как можно?!

Катя медленно обернулась: в дверях стояла высокая худая женщина, одетая безукоризненно и скучно: строгий костюм серого цвета, белоснежная блузка, черные лодочки на невысоких каблуках, белокурые волосы, стянутые в небольшой тугий узел на затылке...

Женщина смотрела на девочку изумленно и осуждающе. Катя немедленно почувствовала себя преступницей, и ей срочно захотелось проснуться. Она даже пребольно ущипнула себя за руку, но это не помогло.

– Вы еще не умыты. Не одеты. Не причесаны, – женщина в дверях бросила быстрый взгляд на запястье. – И это в восемь часов!

«Подумаешь, – сердито подумала Катя, – я по субботам раньше десяти вообще не встаю, это вот во сне непонятно с чего ни свет, ни заря вскочила...»

Она неуклюже поднялась с пола, зачем-то отряхнула сорочку и пригладила разлохмаченные после сна волосы.

– Вы опаздываете к завтраку, – обвиняюще воскликнула женщина. – Заставляете себя ждать!

– Кого я заставляю ждать? – угрюмо поинтересовалась Катя.

– Герцогиню и герцога Хостонских. Вам мало?

– Кого?!

– Вашу тетю, вдовствующую герцогиню Хостонскую, и вашего кузена, герцога Хостонского, – сухо пояснила женщина. – Вы, леди Кэтрин, вижу, еще окончательно не проснулись. Наверное, опять читали в постели, нарушая режим!

Катя стояла посреди комнаты, некрасиво раскрыв рот: ее тетя! Ее кузен! Герцогиня и герцог Хостонские! А она тогда кто?!

«Вот это сон, – ошеломленно подумала Катя. – Домечталась, блин. А Ленка, дурочка, говорила – у меня плохо с фантазией!..»

Женщина смерила Катю таким взглядом, что девочка невольно поежилась, и хмуρο бросила:

– Ладно. Я сейчас пришлю вашу горничную. И поторопитесь, ваша светлость! Герцогиня Хостонская слишком мягка с вами, как же – сирота...

«Сирота! Мои родители что, погибли? – ахнула про себя Катя. – Теперь понятно, почему я у тетки живу, ну и сон же мне снится, больше на кошмар похоже...»

Опасаясь совершить какую-нибудь оплошность, Катя решила подождать «свою» горничную и присела на канапе.

«Раз я – ваша светлость, то кто я? – размышляла Катя. – Герцогиня, выходит, раз моя тетка и кузен – интересно, а это кто такой? – герцоги. Точно как я мечтала, вот только страшновато что-то, пусть это и сон. И не хочу я сиротой быть, у меня и мама, и папа есть, с чего вдруг во сне я сирота?»

Скрипнула дверь, Катя испуганно вскинулась и вздохнула с облегчением. Ее «личная горничная» оказалась совсем молоденькой девушкой, симпатичной и улыбочивой, совершенно не похожей на недавнюю старую гримзу.

– Что же вы сидите, ваше светлость? – весело воскликнула она. – Мисс Глюк и без того уже на вас наябедничала!

– Кто?!

– Вы точно не проснулись толком, – добродушно попеняла девушка. – Я о вашей гувернантке говорю, мисс Глюк, она вами очень недовольно, говорит – вы перед праздниками недопустимо расслабились, даже распустились!..

– Перед праздниками? – непонимающе пробормотала Катя.

– Через неделю Рождество, не забыли? Обожаю его, мой самый любимый праздник!

– А сегодня...

– Сегодня девятнадцатое декабря, суббота. Да что с вами, леди Кэтрин, может, вы снова приболели?

– Я... я совершенно здорова, – пробормотала Катя, исподлобья следя за горничной. – Просто меня ночью... мучили кошмары, и я не выспалась. Если честно... мне и сейчас кажется, что я все еще сплю.

– Суду все ясно! Извольте умыться!

Девушка утопила белую клавишу в стене – Катя приняла ее за выключатель – часть стены исчезла, и Катя изумленно вытаращила глаза: перед ней была самая изумительная ванная комната в мире! Вся в бело-голубых тонах, размером с зал в ее настоящей квартире, с круглым бассейном по центру, утопленным в полу...

Катя рассеянно провела рукой по множеству красочных баночек на одной из полок у раковины и пробормотала:

– Что-то просыпаться не хочется...

И вздрогнула от звонкого голоса горничной:

– Леди Кэтрин, поторопитесь, вас ждут к завтраку!
– Хорошо, я быстренько, – Катя с сожалением покосилась на многочисленные круглые дырочки по внутреннему периметру ванны – наверняка гидромассаж! – Только зубы почищу...

Катя разочарованно смотрела на красивое, будто кружевное фаянсовое блюдо, на нем стояла небольшая тарелка с мерзкого вида размазней – овсяной кашей, Катя с самого младенчества ее ненавидела.

Она горестно шмыгнула носом: ну и убогая у нее фантазия! Будто нельзя хотя бы во сне накрыть стол пошкарнее – рябчиков, что ли, жареных сюда поставить, бланманже какое-нибудь, знать бы еще – что это такое, пирожных побольше, свежую клубнику, скажем, со взбитыми сливками, о мороженом не забыть, лучше шоколадное, с изюмом и грецкими орешками...

Впрочем, раз уж она «светлость», почему бы и нет?

Катя решительно отодвинула от себя блюдо и исподлобья посмотрела на красивую, величественную даму во главе стола – герцогиня Хостонская странно соответствовала Катиному представлению об аристократах. Правда, мальчишка напротив...

Он почти не отличался от Катиных одноклассников! Даже чем-то напоминал Васюку Гончарова, а это неправильно, хватит с нее Васюки в школе, наяву, с его папашей-крановщиком и мамой-медсестрой. Катя бросила критический взгляд на сверстника и нехотя признала: красивый парень, конечно, но... Никакой тонкости в нем! И плечи широченные, будто молодой герцог не «голубых» кровей, а обычных, крестьянских. Или ходит с Катиными одноклассниками в один тренажерный зал «качаться».

«Странно, что я не помню, как зовут собственного кузена, раз это мой сон, – удивленно подумала Катя. – И он смотрит на меня, будто впервые видит, как на диковинную зверушку в зоопарке уставился, вот ведь гад...»

Катя оглянулась, за ее спиной стоял... э-э... официант? лакей? какой-нибудь мажордом? жаль, в голове все перепуталось! – и капризно протянула:

– Терпеть не могу каш! Замените ее на что-нибудь более приличное, и побыстрее, я хочу есть!

– Более «приличное»? – озадаченно пробормотал лакей и беспомощно оглянулся на герцогиню. – На что именно?

– Ну... я, например, попробовала бы рябчиков, куропатку или другую какую-нибудь дичь, – пожалала плечами Катя. – Чтобы красиво перышками было все украшено, по краю блюда яблочками мочеными обложено, черносливом, я в фильме одном видела....

Мальчишка напротив вдруг прыснул и быстро опустил глаза.

Герцогиня Хостонская нахмурилась, и трое лакеев поспешно покинули помещение, будто она волшебной палочкой взмахнула. Дверь за ними закрылась, и герцогиня встревоженно спросила:

– Дитя мое, вы по-прежнему плохо себя чувствуете? Может быть, снова пригласить врача?

Катя изумленно моргнула. Мальчишка с легким, но вполне ощутимым акцентом произнес:

– Я могу позвонить господину Веласкису. Прямо сейчас!

– Господину Веласкису? Это еще кто такой? – Катя потрогала собственный лоб и облегченно отметила, что температура нормальная.

Герцогиня с сыном переглянулись, мальчишка огорченно заметил:

– Она снова все забыла!

– Это наш семейный доктор, дитя мое, – печально сказала герцогиня Хостонская.

– Веласкисы вхожи в этот дом вот уже третье столетие.

Катя внезапно почувствовала себя участницей комедии абсурда, она ничего не понимала!

Мальчишка поймал ее растерянный взгляд и сочувственно сказал:

– Ты три дня назад упала с лошади и сильно ударилась головой. Часа два пролежала без сознания, а потом...

– С лошади?! – ошеломленно прошептала Катя и непроизвольно поморщилась, вспомнив, как год назад была на ипподроме, и папа повел ее на конюшни, а там так пахло навозом...

– Да, дитя мое, – кивнула герцогиня. – Вы очень неудачно упали!

– А все твоё упрямство, – сердито фыркнул мальчишка, – говорил ведь – с этим жеребцом девчонке не справиться!

Катя судорожно сглотнула и жалко улыбнулась:

– А что... потом?

– Доктор сказал – частичная амнезия, – герцогиня виновато отвела взгляд в сторону. – Травмы головного мозга... они так до конца и не изучены, дитя мое, даже в наше время после них случается достаточно много сюрпризов.

– Сю... сюрпризов? – испуганно пролепетала Катя.

– Хороши сюрпризы, – нервно рассмеялся мальчишка. – Ты ведь английский язык практически забыла! Мы из-за тебя часть слуг поменяли, наняли новых, из эмигрантов. Ты вообще ничего не помнишь!

У Кати окончательно пропал аппетит. И уже не казалась красивой белоснежная льняная скатерть, обшитая древними кружевами явно ручной работы. И низкое керамическое блюдо, искусно украшенное только что срезанными цветами, икебана, кажется – оно стояло посреди стола – почему-то раздражало: зима ведь...

– Представляешь, ты назвалась русской девочкой Катей Ивлевой из Вологодской области! – хмыкнул молодой герцог. – Ну и фантазия у тебя...

– Попродержите язык, Ройс, – холодно произнесла герцогиня. – Ваша кузина все еще нездорова!

– Да, мама. Извините, Кэт. Просто я никак не приду в себя: единственное падение с лошади и.... такие последствия!

Катя молчала, у нее кружилась голова, сон и явь настолько тесно переплелись... Она оглядела совершенно незнакомый зал с высокими окнами, огромный, круглый, с низко висящей над столом хрустальной люстрой, раньше Катя видела такие только в театре...

Зато небольшую кухню в своей квартире она помнила совершенно отчетливо. Как и вкус маминых оладышков. И съеденного вечером борща. И странного папиного чая с неизвестной травкой, приторно сладкого и ароматного...

Нет, это всего лишь сон! Она слишком долго мечтала проснуться герцогиней или принцессой, вот и...

Кошмар, а ее дурацкое письмо деду Морозу? Вдруг... он ТАК исполнил ее желание?!

Да не может быть! Дед Мороз – обычная сказка, выдумка для маленьких детей, на самом деле старика просто не существует, смешно даже думать о нем...

Точно – это сон!

Отличный сон, почаще бы такие снились.

Решив про себя ничему не удивляться, Катя с любопытством спросила:

– Пусть я не Катя Ивлева и вдруг забыла английский язык, но вы ведь тоже говорите по-русски! Хоть и с акцентом, признаю.

– С акцентом? Сильным? – мальчишка напротив так явно расстроился, что Катя снисходительно сказала:

– Не сильным. Но он чувствуется. Не у герцогини, у тебя.

– Спасибо, дитя мое, – герцогиня слабо улыбнулась. Обернулась к сыну и уже строго сказала: – А тебе придется срочно заняться произношением!

– Да, мама. Обещаю.

Катя упрямо спросила:

– Так откуда русский язык? Раз ты... герцог Хостонский, ведь так, нет? А Ройс... это твое имя?

– Ты и это забыла... – убито пробормотал мальчишка.

– Дитя мое, в нас всех течет русская кровь, и мы этим гордимся, – холодно произнесла герцогиня.

– В нашей семье детей обучают русскому языку с раннего детства, – сочувственно напомнил Ройс. – Уже много поколений подряд. Па говорил: нужно уважать собственных предков и помнить о корнях!

– О корнях?

– Да. Моя прапрапрабабушка по маминой линии – принцесса из царствующего дома Романовых, наша семья никогда об этом не забывала.

– Ну, блин, вот это приплыли...

– Леди Кэтрин, пожалуйста, следите за собой, – нахмурилась герцогиня Хостонская. – Никакая амнезия не извиняет дурных манер!

– Ма, она же из российской глубинки, – насмешливо заметил Ройс. – По крайней мере, Кэт так считает!

– И что? Это разрешает калечить русский язык? Опошлять его? Отменяет хорошие манеры? – Герцогиня смерила детей суровым взглядом. – Даже если Кэт не леди Кэтрин, а Катя Ивлева из Вологодской области, это ничего не меняет.

Ройс удивленно приподнял брови. Герцогиня Хостонская укоризненно воскликнула:

– Она же девочка! Будущая жена и мать! Ей нельзя быть вульгарной!

Катя промолчала, но смотрела сердито. Она вовсе не считала, что слово «блин» – вульгарно. Слышала бы герцогиня, как выражаются некоторые Катины одноклассники! Не все, само собой, но...

Катя насупилась: правда, маме тоже не нравилось, когда она, Катя, не следила за собственной речью. Мама почему-то считала, что именно от сегодняшних девочек зависит, каким станет завтра российское общество, российская культура. Мол, воспитание детей...

Глупости, конечно! С другой стороны... с другой стороны, Катя просто не представляла, чтобы мама произносила некоторые словечки, которые порой так легко слетали с ее, Катиного, языка. Это было бы дико! И противно.

Мысль показалась неприятной, и Катя раздраженно буркнула:

– Простите. Я... нечаянно!

Ройс хмыкнул, а герцогиня Хостонская величественно кивнула, принимая Катины извинения.

Катя вздохнула с облегчением: наконец тема закрыта! – и звонко сказала, ткнув пальцем в застывшую кашу:

– Пусть ее заменят, я терпеть не могу овсянку!

Ройс покраснел, он с трудом сдерживал смех. Герцогиня снисходительно поинтересовалась:

– На что именно, дитя мое?

– На что-нибудь более приличное, раз уж я леди, настоящая герцогиня, то есть, а не какая-то там Катя Ивлева!

Противный мальчишка снова прыснул и быстро отвернулся, пряча лицо. Герцогиня сухо произнесла:

– Конкретнее, пожалуйста!

Катя, бросив негодующий взгляд на Ройса, смущенно буркнула:

– Не обязательно куропатку, можно, что попроще, гусиный паштет, скажем. И пирожных побольше, пусть выбор будет. Отбивную еще, чтоб большущая и еле-еле влезала на тарелку. Салат какой-нибудь экзотичный, с омарами или креветками. Этот... как его? Пудинг, вот! И обязательно шоколадное мороженое с изюмом и орехами...

– И это все на завтрак?! – весело перебил размечтавшуюся Катю Ройс.

– Ну да, прямо сейчас! – Катя приняла соответствующую ее новому положению осанку и гордо подумала: «Герцогиня я или не герцогиня?»

– Вы же лопните, леди! – воскликнул Ройс.

– Не твоя забота, – угрюмо отрезала Катя.

– А как же талия? – ехидно ухмыльнулся Ройс. – Девчонки, я знаю, вечно считают калории...

– А я не считаю! Я... достаточно стройная!

– Достаточно тощая, хочешь сказать?

– Ройс, я не верю собственным ушам! – возмущенно воскликнула герцогиня. – Ты ведешь себя просто непозволительно! Твоя кухня не совсем здорова, а ты...

– Вы правы, я... забылся. Извините, мама, простите... леди Кэтрин!

– А вы, дитя мое, – обернулась герцогиня к покрасневшей от злости девочке, – тоже думайте, что говорите. Вы не крестьянка, набивать желудок, чем попало с утра пораньше! И не должны забывать: мы едим, чтобы жить, а не...

– Живем, чтобы есть! – темно-карие глаза Ройса откровенно смеялись.

Герцогиня на его реплику внимания не обратила.

– Любая еда должна идти на пользу, а не во вред. И геркулесовая каша...

– Максимально полезна!

– Ройс, вы меня вторично перебили, может быть, вы сами продолжите? – рассердилась герцогиня Хостонская.

– Запросто, мама! – Ройс подмигнул Кате. – Главное: еда не должна вредить здоровью и не занимать чрезмерно твои мысли, это унижительно. Следовательно, она должна быть максимально простой, сытной и полезной. Как эта... каша!

– Издеваешься, да? – пробормотала Катя, тоскливо рассматривая свою овсянку. – Будто я книг не читала и фильмов не смотрела, не знаю, как богачи едят и какие именно блюда...

– Это нувориши, дитя мое, – сочувственно улыбнулась гостье герцогиня. – Для них главное – внешний блеск, чувство достоинства придет лишь к их правнукам, как и скромность, сдержанность. Как и понимание, что большие деньги и власть – это просто дополнительная ответственность перед собственным народом. Старые фамилии...

– Их несчастное потомство – настоящие рабы! Если забыла это из-за травмы, то скоро вспомнишь, – насмешливо фыркнул Ройс, снова перебивая мать.

К удивлению девочки, на этот раз герцогиня промолчала. Ройс хмуро добавил:

– Чтобы управлять другими, нужно научиться управлять собой. Делать не что хочешь, а что нужно. Каждый день, каждый час, каждую минуту. С того момента, как осознаешь себя. С самого раннего детства. Ничего хорошего, клянусь. Иногда... повеситься тянет!

– Ройс, что ты говоришь? – ахнула герцогиня Хостонская.

– Правду, мама.

– Но кому?!

– Леди Кэтрин, мама. Раз уж она... вляпалась в это!

– Ройс!

– Мам, должна же Кэт представлять, что ее ожидает!

Катя озадаченно вертела головой: герцог и герцогиня Хостонские сидели слишком далеко друг от друга.

– И что меня... ожидает? – еле слышно выдохнула она, напоминая себе, что это всего лишь сон. Станный, красочный, ни на что непохожий, но... сон!

Мать с сыном снова переглянулись, Кате вдруг стало страшно. Почему-то подумалось, что ее представления о жизни маленькой принцессы могут оказаться в корне неверными. Для начала геркулесовая каша вместо сказочно обильного завтрака, а потом...

Чем заняты после завтрака маленькие принцессы? Отдыхают? Примеряют новые

платья? Рассматривают каталоги известнейших ювелирных магазинов? Готовятся к очередному балу? Может... может...

Ничего дельного в голову не приходило, и Катя почти крикнула:

– И что дальше?

– Ничего страшного, – герцогиня натужно улыбнулась. – Обычный рабочий день.

– Точно. Обычное утро обычного дня, – угрюмо проворчал Ройс. – Если ты забыла, что это такое, сейчас вспомнишь, я уже говорил. Правда, график занятий летит ко всем чертям, мы слишком долго сидим в столовой...

– Ройс!

– Занятий? – Катя изумленно приоткрыла рот. – Но ведь...

– Действительно, дитя мое, – герцогиня Хостонская озабоченно посмотрела на часы. – Мисс Глюк твоя задержка за столом вовсе не порадует! – И она встала, давая понять, что завтрак окончен.

ГЛАВА 8 МНОГОТРУДНЫЕ БУДНИ

– Вы опять заснули в ванной?

Строгий голос мисс Глюк заставил Катю чуть ли не подпрыгнуть. Она с трудом разлепила ресницы и раздраженно пробормотала:

– Кто же так кричит... над самым ухом?

– Где ваше ухо и где я? – саркастически парировала мисс Глюк.

Катя, расплескивая воду – снова она наполнила ванну до самых краев! – обернулась и неохотно признала: противная гувернантка как всегда права. Мисс Глюк стояла достаточно далеко, в дверях, и лишь спросонья ее голос показался Кате слишком громким.

Мисс Глюк выразительно кивнула на настенные часы:

– Вы уже сорок минут как должны быть в постели!

– Я и спала, пока вы не разбудили, – еле слышно проворчала Катя, но мисс Глюк ее услышала.

Поджала тонкие губы и смерила раскрасневшуюся Катю презрительным взглядом. Потом с ледяной вежливостью протянула:

– Леди Кэтрин, вы порой ведете себя как... безалаберная деревенская девчонка!

– Что?! – Катя неуклюже выбралась из ванны и дрожащими руками натянула халат, тяжелый, махровый, с капюшоном, она всегда о таком мечтала.

Чувствовала девочка себя просто отвратительно. Несчастные мышцы ныли так, будто Катя только что закончила марафонский забег на сотню-другую километров. При этом не тренировалась, по меньшей мере, год.

Запахивая халат, Катя углядела на бедре приличный синяк и невольно застонала: хорошо же она проводит здесь время! Дома старательно отлынивала от уроков физкультуры, изобретая различные предлоги и запасаясь справками из медпункта, зато тут...

– Как я себя веду?! – оскорбленно продребезжала Катя, жалея себя до слез: называется, побыла в свое удовольствие герцогиней!

Она дотронулась до кровоподтека и болезненно поморщилась: какой мерзкий, а главное, лживый сон! И какая у нее извращенная фантазия! Так все перевернуть, так переиначить, обратить рай в ад... Пусть Ленка еще хоть раз скажет, что у нее, у Кати, нет воображения!

– Как последнее быдло, ваша светлость, – гувернантка смотрела со странной и непонятной жалостью. – Ничего в вас нет – ни дисциплины, ни выдержки, ни желания учиться, ни желания работать над собой... НИЧЕГО!

Катя изумленно моргнула: с ней никто и никогда ТАК не разговаривал. Даже мама, когда ругала за легкомыслие. Даже папа, выговаривая за позднее возвращение. Даже Ленка, когда они ссорились. Назвать ее «быдлом»...

Неожиданно для себя Катя всхлипнула и визгливо крикнула:

– Я – герцогиня!

– Вот именно, – бессовестная мисс Глюк и не подумала извиняться.
– Как вы смеете со мной ТАК разговаривать?!
– Это моя обязанность, ваша светлость, – ничуть не смутилась гувернантка. – И смею заметить, не из легких.

Лицо мисс Глюк оставалось невозмутимым, светло-голубые глаза холодно блестели, Катя в сердцах пнула упавшее на пол полотенце. Запуталась в нем, едва удержалась на ногах и плаксиво воскликнула:

– Ваш рабочий день кончился, почему бы вам не оставить меня в покое?!

Мисс Глюк пожала плечами:

– Леди Кэтрин, рабочий день воспитателя никогда не кончается. Даже когда вы спите, я анализирую ваши и свои ошибки, планирую...

– Ах, так вы тоже ошибаетесь?!

– Естественно. Я не господь Бог, – с достоинством сказала мисс Глюк.

На эти слова Катя не нашлась с ответом. Поплотнее запахнула полы халата и, еле переставляя ноги, побрела в комнату. Спать хотелось невероятно, сейчас казалось – никогда в жизни Катя так не уставала.

– Пригласить вашу горничную? – вдруг спросила мисс Глюк. – Чтоб помогла переодеться и уложила на ночь волосы?

– Не надо, я сама, – пробормотала Катя, почти падая на кровать. Хмуро посмотрела на застывшую в дверях ванной гувернантку и в сердцах воскликнула: – Моя жизнь превратилась в настоящую каторгу! Прав Ройс – рабам и то живется легче!

– Вы говорите глупости! Ни вы, ни Ройс представления не имеете, как живут настоящие нищие, как живет беднота. У вас есть все!

– Ага. И ни минуты свободного времени, – обреченно буркнула Катя. – Не успею открыть глаза, как начинается... – Она поджимала палец за пальцем, перечисляя: – Пробежка по парку, зарядка в спортивном зале...

– В здоровом теле – здоровый дух, – перебила Катины причитания мисс Глюк.

– Потом чертова кобыла – Ройс явно врет, что она самая спокойная на конюшне! – у меня вся задница – один сплошной синяк...

– Умение держаться на лошади обязательно для любого дворянина!

– Ну да, ну да, – угрюмо хмыкнула Катя, – раз я герцогиня, угробим меня, так? Аристократом больше, аристократом меньше, какая, собственно, разница?

– Ваша светлость!

– Что «ваша светлость»? Я сегодня упала с этой мерзкой кобылы целых четыре раза! Четыре!!! – визгливо закричала Катя.

– Всего четыре раза, – сухо заметила мисс Глюк.

– Всего?! – возмутилась девочка. – Ах да, не вас же валяли по земле!

– Всего, – твердо повторила гувернантка. – Ведь вчера вы упали шесть раз, позавчера – восемь, а девятнадцатого декабря мы были вынуждены прервать занятия, потому что вы разрыдались как дитя, я чуть со стыда не сгорела...

– Чего это вдруг?!

– Сдержанность – как раз то качество, что я должна в вас воспитывать. Распускать себя нельзя ни при каких обстоятельствах. Это просто недопустимо, запомните это раз

и навсегда!

Катя сердито фыркнула, но возражать не рискнула. Слишком она устала, чтобы выслушивать очередную лекцию о том, как должна вести себя «юная леди».

Катя загнула следующий палец и зло прошипела:

– Потом занятия: английский, немецкий, французский, итальянский... История, география, риторика, ботаника... После обеда – математика, физика, химия, основы экономики, управления, психологии... Потом опять языки. Потом этикет – чтоб он провалился сквозь землю! – это ж никаких мозгов не хватит, чтобы запомнить, какой вилкой что есть! Потом снова языки. Потом танцы. Потом репетиция, благотворительный спектакль, видите ли, к рождеству! Потом... – Катя растерянно посмотрела на собственные руки и чуть не заплакала: – Да у меня пальцев на все не хватает!

– Герцог Хостонский не жалуется, – язвительно улыбнулась гувернантка. – И занимается гораздо больше вас, преподаватели им довольны, а вот вами, леди Кэтрин...

– Да плевать я на них хотела, на ваших преподавателей – довольны они, недовольны, – грубо отрезала Катя. – Им за это платят, и неплохо!

– Ваше неуважение к людям...

– Уважение, скажите тоже... Я герцогиня, а они кто? Чего ради мне перед ними расшаркиваться?!

К удивлению Кати, мисс Глюк на этот раз не стала ей выговаривать. Смотрела печально, даже сочувственно, будто Катя тяжело больна. Девочке стало как-то неловко: может, зря она так категорично указала противной тетке ее место?

Мисс Глюк пожелала Кате спокойной ночи и пошла к выходу. Остановилась на пороге и мягко сказала:

– Может быть, леди Кэтрин, вы возьмете за образец поведение герцогини и герцога Хостонских? Это древнейший род, им не стыдно подражать даже такой знатной леди, как вы...

Мисс Глюк вышла, а Катя смотрела на закрывшуюся за ней массивную деревянную дверь и неудержимо краснела. Она прекрасно поняла гувернантку: ни герцогиня, ни Ройс не позволяли себе оскорблять служащих. Никогда. Ни взглядом, ни словом! Они были с ними как-то подчеркнуто вежливы. Зато она, Катя...

Катя лежала в постели и тоскливо прикидывала, насколько она завтра опозорится, играя крошечную – и это счастье! – роль феи в благотворительном спектакле.

Несколько фраз на английском языке и двухминутный танец с цветами – Катя должна разбросать фиалки из своей корзины на кровати больных детей в лондонской городской больнице – стоили столько нервов и труда...

А она, глупенькая, раньше мечтала стать актрисой!

Оказывается, у нее нет способностей. Вообще. Никаких. А со стороны казалось – все так просто.

Катя помрачнела, вспоминая, как пыталась отказаться от роли, и как холодно герцогиня Хостонская объяснила, что это не развлечение, не прихоть, а ее святая обязанность. Что уже несколько столетий подряд дети самых знатных семейств устраивают перед Рождеством благотворительные спектакли для своих больных и неимущих сверстников и потом вручают им праздничные подарки. Именно подарки, не подачки, не милостыню, это нужно понимать! – подчеркнула герцогиня. И Катино дарование как артиста здесь не при чем, главное – ее сочувствие страждущим и искреннее желание облегчить их участь.

Катя непроизвольно поежилась, вспоминая Розмари Джерролд и Стейси Уитмор, своих новых знакомых, тоже участвующих в спектакле. Противные высокомерные девицы! Как они смотрят на нее, Катю, стоит ей отвернуться! Будто на чудо-юдо какое. И тараторят специально слишком быстро, чтобы она не успевала за ними.

Катя печально усмехнулась: удивительно, что она вообще стала довольно сносно болтать на английском. Конечно, помогали ежедневные многочасовые занятия, но и старый словарный запас заметно помогал. Катя и не знала, насколько он велик, дома она никогда не блистала на уроках английского языка, хотя учила его с первого класса. Она практически все понимала! И говорила почти свободно. Видимо, правда, что язык можно выучить по-настоящему только в стране-носителе.

И вечерние занятия с миссис Моррисон вполне утраивали Катю. Бальные танцы или знания манер и этикета, позволяющие с достоинством вращаться в «высших» кругах – чем плохо? Если бы еще Стейси и Розмари не отравляли Кате жизнь своими вечными усмешками и странными взглядами!..

Правда, Дженни Росс оказалась нормальной девчонкой, а друзья Ройса – Стюарт, Паркер и Джейсон даже нравились Кате. Они всегда галантны, и Катя в их обществе забывала, что совсем не красавица, почти дурнушка, как ни печально.

Вот Стейси Уитмор – это да! Белокурая, синеглазая, стройная... Нежный румянец, губки бантиком, симпатичные ямочки на щеках, тонюсенькая талия, хорошенькая... слов нет. А Розмари – вообще красавица, как сказала недавно мисс Глюк. Личико у нее... иконописное, вот!

К сожалению, они не собираются дружить с Катей, эти две подружки-красавицы. Вечно смотрят на Катю со странным ожиданием, будто надеются, что она скажет или сделает какую-нибудь глупость. А когда Катя обращается к ним по делу, они вежливы

до отвращения, почти как герцогиня Хостонская – никак язык не поворачивается назвать ее тетей Элизабет! – со своей горничной.

Только Дженни болтает с Катей запросто, жаль, она младше всех, Дженни недавно исполнилось одиннадцать. А Кимберли совсем ребенок, она играет в спектакле ангела. Смешная такая девчушка, на Ленку чем-то похожа, такая же пухленькая, голубоглазая и застенчивая.

Катя тяжело вздохнула: что-то ее сон затянулся. И проснуться никак не получается. И все чаще мучает мысль, вдруг это все-таки не сон, а так некстати сбывшаяся мечта стать принцессой?

Катя взбила подушку и легла удобнее: жизнь в этом чудном сне настолько насыщена, настолько плотно заполнена занятиями и событиями – ни секунды свободного времени! – что та, прежняя жизнь с мамой и папой теперь кажется пусть и райской, но нереальной.

Сейчас не верилось, что дома в субботу-воскресенье Катя могла спать до полудня, ее вообще никогда не будили. Считалось: ребенок в выходные должен выспаться. Да и в будние дни Катя порой объявляла с утра, что у нее болит голова, и мама обеспокоенно начинала кружить вокруг. Мерила давление, температуру, несла завтрак в постель, поила горячим чаем с медом или малиновым вареньем, давала таблетку и почти всегда разрешала не ходить в школу.

Катя тоскливо усмехнулась: дома вечера в полном ее распоряжении. Хочешь – в кино сходи, хочешь – к подружкам сбегай, хочешь – поваляйся на диване с наушниками, молодежными журналами или книжкой, хочешь – посмотри телевизор, хочешь – посиди за компьютером... Да мало ли чем можно заняться после школы!

Мама с папой не придирались. Их вполне устраивали Катины четверки-пятерки, да и редкие тройки не вызывали скандалов, хоть и принимались подчеркнuto неодобрительно. Ей никогда не диктовали, чем заняться!

А здесь бездумно проводить время – настоящее преступление. Кате постоянно твердят, что время – единственная настоящая ценность в этом мире, особенно в детстве и отрочестве. Потеря хотя бы одного дня невосполнима – мол, это не деньги и не дамские безделушки... Мисс Глюк, она скажет!

Когда у Ройса повысилась температура – легкая простуда, по словам врача – ему никто не сочувствовал и от занятий не освобождал. Лишь утреннюю пробежку в парке и бассейн заменили уроком «выживания», его провел сам доктор Веласкис. И битый час толковал нечаянным ученикам о закаливании, сводящим подобные случайные простуды «на нет». И о недопустимости безответственного отношения к собственному здоровью.

Катя наблюдала, как Ройс пил горькую микстуру – семейный рецепт Веласкисов – и сочувствовала ему. И удивлялась невозмутимости «кузена»: Ройс даже не пытался протестовать! Катя хотела заступиться, но Ройс не позволил. Заявил, что нельзя распускаться из-за пустякового недомогания. Мол, в жизни случается всякое и нужно уметь всегда «оставаться в строю». Ненормальный!

Доктор Веласкис – врач называется, а как же клятва Гиппократа?! – поддержал

знатного пациента. Сказал, что болеть позволительно рядовому, но не генералу, от которого зависят люди и судьбы. Будто генерал не человек! И при чем тут Ройс?!

Катя вдруг покраснела: странные у нее отношения с собственным кузеном, и сон ее странный донельзя. Ведь кузен, насколько Катя понимала, просто брат. Не родной, конечно, а двоюродный или троюродный. Но брат... он не должен вызывать столько эмоций!

Катя же то ненавидела Ройса лютой ненавистью, то украдкой рассматривала, удивляясь непонятной значимости его лица. Терялась, когда Ройс обращался к ней с пустяковым вопросом. Переполнялась благодарностью, когда он вытаскивал ее из мелких, но обидных стычек с Розмари и Стейси. Глупо волновалась, когда они оказывались партнерами на уроках танцев. И бессильно злилась, поймав его насмешливую улыбку, когда они занимались с миссис Моррисон: этикет и «хорошие» манеры давались Кате куда труднее английского языка или географии.

Катя поморщилась, вспомнив о предстоящем кошмаре: завтра воистину страшный день. Днем – благотворительный спектакль для больных детей, а вечером... вечером ученики миссис Моррисон должны сдать нечто-то вроде экзамена! Она не переживет этот день, точно. Может, сказаться больной? Не поможет. Она не дома.

Катя нервно хихикнула: сбылась мечта идиота. Она – герцогиня! И непроизвольно поежилась: одетые в бальные платья ученики миссис Моррисон проведут рождественский вечер – совместят, так сказать, приятное с полезным! – в самой дорогой и старинной гостинице Лондона. Отведает ужин из двенадцати блюд, продемонстрируют умение общаться и покажут, чему научились на уроках танцев.

Еще неделю назад Катя завизжала бы от восторга, услышав о подобной вечеринке, бальном платье, танцах и таком количестве аристократов вокруг. Теперь же с ужасом думала, как бы окончательно не опозориться перед Ройсом и его друзьями.

Здорово же повеселятся Розмари и Стейси, если она в очередной раз запутается в ножах и вилках! Или не сможет поддержать беседу «ни о чем», то есть, о погоде, спорте, политике, скачках, модных книгах и последних фильмах.

Катя грустно усмехнулась: Розмари со Стейси совершенно не боялись завтрашнего испытания. Обе ждали вечера с нескрываемой радостью, собираясь повеселиться и развлечься, как следует. И правильно: им-то чего дергаться? Они выбирали нужные нож и вилку, не задумываясь, чисто механически, ни на минуту не прекращая болтовни. При этом не забывали исподтишка наблюдать за Катиными мучениями и насмешливо шушукаться. Понятно, подобные торжественные ужины привычны для них, не то, что для Кати. Она дома, конечно, пользовалась ножом и вилок, но и представить раньше не могла, что их может быть больше одной пары – зачем? Ну, к чему специальная вилка, скажем, для рыбы? Или пирожных? Чем плоха обычная?!

Нет, она завтра обязательно опозорится! Катя горестно шмыгнула носом: ужин из двенадцати блюд, настоящее бальное платье, драгоценности, взрослая прическа, танцы, первые в жизни рождественские подарки – и никакой радости.

И что она за несчастный человек?!

ГЛАВА 9 БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ СПЕКТАКЛЬ

– Не понимаю, почему меня должны интересовать причины американо-иракского конфликта, – Катя строптиво посмотрела на преподавателя.

Ройс хмыкнул, но промолчал. Профессор Джон Мэнсфилд укоризненно покачал седой головой:

– Вы должны понимать, что идет перераспределение природных ресурсов, ведь мировые запасы нефти и газа...

– А мне-то что?!

– Вчера вы заявили, что контроль над производством оружия – не вашего ума дело. Позавчера не захотели говорить о проблемах экологии. Днем раньше отказались готовить материал о причинах демографического кризиса в странах Европы...

– Не написали реферат на тему «Случаи террора – как рычаги экономического и политического давления», – угрюмо поддакнула мисс Глюк. – К проблемам национальных меньшинств остались равнодушны. Неприятие европейской культуры мусульманскими общинами, их нежелание адаптироваться...

– Ну да, скучно, и что? – сердито выкрикнула Катя. – Я, кажется, в президенты не собираюсь баллотироваться!

Джон Мэнсфилд крикнул и машинально подергал себя за мочку. Катя невольно улыбнулась: старый профессор при любом затруднении хватался за ухо. Причем только за правое. Мисс Глюк неодобрительно поджала тонкие губы. Ройс заинтересованно смотрел в окно.

На улице мело, и Катя вдруг почувствовала, как сильно соскучилась по дому. По маме с папой, они мало требовали с нее, зато нежно любили, жаль, Катя не ценила. По родной комнате, пусть в ней всего шестнадцать квадратных метров. По искусственной елке, купленной два года назад, удивительно пушистой, с настоящими шишечками на ветках. По любимым с раннего детства игрушкам, Катины новые знакомые сочли бы их слишком дешевыми. По наивной Ленке Плющенко с ее странными представлениями о мире... Даже дурацкий новогодний конкурс и чужое стихотворение, выданное за свое, ничего не меняли. Ну, сделала глупость, осталось забыть о ней, не рвать же на себе волосы до конца жизни?!

Катя крепко зажмурилась, отгоняя мысли об украденном стихотворении. И с мрачной усмешкой подумала: «Если не поеду на новогодние каникулы в Европу – а после этого сна ни за что не поеду, хватит с меня и Англии! – то можно не вспоминать об этой истории. Главное, чтобы Ленка ничего не узнала, ужасно не хочется ссориться...» Катя сердито фыркнула: – «Впрочем, откуда Ленке узнать? Я же не собираюсь зачитывать стихотворение на телевидении, откажусь отдать в сборник – мое дело: может, передумала? Получается, оно просто исчезнет, как и не было. Нет, жаль, конечно, но...»

Вдруг показалось странным, что не хочется ругаться с Плющенко. Раньше Катя

считала, что «снисходит» до простоватой Ленки, теперь же... Она элементарно соскучилась!

Катя вцепилась в ручки кресла и страстно пожелала: – «Хочу домой! Хочу так, как никогда в жизни ничего не хотела! Здесь я чужая, хоть и герцогиня, и «ваша светлость», и к моей комнате примыкает огромная «гардеробная», я до сих пор не пересмотрела и не перемеряла все платья, туфельки и драгоценности... Хоть у меня своя горничная, за моим стулом, когда ем, стоит специальный лакей, в город я езжу на самых длинных и шикарных лимузинах, и двери передо мной всюду предупредительно распахиваются...» – Кате вдруг захотелось заплакать: «Недавно такая жизнь представлялась сказочной, я так мечтала в нее попасть, вот и домечталась, дурочка...» – Она судорожно сглотнула: №Пусть я сейчас открою глаза и окажусь в своей постели, пусть все это окажется обычным сном, ну, необычным, но непременно сном...»

Катя открыла глаза и разочарованно застонала: кошмар продолжался. Она по-прежнему в Англии, в замке герцогини Хостонской, если верить сну – своей родной тетки. А рядом – кузен, в которого она... в которого она... Вовсе нет! Это неправда! Просто Ройс совершенно не похож на других парней. Он другой. Поэтому и интересен, ни о какой влюбленности и речи нет, Кате вообще всерьез пока никто не нравился. В той жизни. А в этой... Нет, с чего она вбила в свою дурную голову, что будни маленькой герцогини или принцессы похожи на сказку?!

Впрочем, похожи. Если какая-нибудь сказка начинается в шесть тридцать утра пробежкой в парке, купанием в открытом бассейне – погода значения не имеет! – скользкой овсянкой на завтрак, бесконечными уроками, непременно свиданием с норовистой кобылой, а уж характер у этой скотины...

– Понимаете, юная леди, – профессор неуклюже пожал плечами, – все эти проблемы решать не моему поколению, а вашему. Глупо и недальновидно прятать голову в песок, вы же не страус. Вам, не мне, жить в двадцать первом веке, а любой образованный, интеллигентный человек...

– Надеетесь достучаться до нее, профессор? – язвительно хмыкнула мисс Глюк. – Ну-ну, желаю успеха! По-моему, так леди Кэтрин задремала и явно нас не слышит...

– Ну почему, – вяло запротестовала Катя, – у меня отличный слух.

– Если бы к вашему слуху добавить желание заниматься и чувство ответственности, хоть немного... – мисс Глюк безнадежно махнула рукой.

– Понять бы, что за зверь – чувство ответственности, – хмуро пробормотала Катя. – Может, оно у меня и есть, только я не знаю...

– Все шутите? – негодуяще прошипела гувернантка.

– Не плакать же! Мы, русские, всегда смеемся над собой, когда нам не до смеха...

Ройс прекратил изучать пейзаж за окном и заинтересованно обернулся. Странная мамина гостя снова выдала что-то новенькое, необычное, над чем стоило поразмыслить: смеяться над собой, когда хочется плакать – это как?

Зато мисс Глюк отвернулась, не в силах больше смотреть на нахальную девчонку, невесть какими судьбами оказавшуюся в замке на ее попечении.

Катя вырвалась из цепких рук Лилли, своей горничной, и неодобрительно покосилась в зеркало: паршивенькая из нее вышла фея! Тощая, плоская как доска, а ведь ей вот-вот четырнадцать исполнится. И волосы совершенное не то – темно-каштановые, разве бывают такие феи? Во всех книгах и фильмах добрые волшебницы исключительно белокурые или золотоволосые.

«Жаль, парик не подошел, – подумала Катя, угрюмо изучая собственное отражение. – Миссис Моррисон заявила, что он делает меня вульгарной, и запретила надевать. А Розмари противно захихикала и громко шепнула Стейси, что парик здесь не при чем. Хорошо, Ройс стоял далеко и не слышал...»

– Ваша светлость, вы опаздываете на генеральную репетицию, – Лилли выразительно кивнула на старинные напольные часы.

– Тоже мне – репетиция, – сварливо буркнула Катя, отходя от зеркала. – Одно название!

– Но миссис Моррисон...

– Знаю: будет недовольна! И уже иду. Просто мне смешно: через час выезжаем в больницу, какой смысл еще раз прогонять пьесу? Мы что – лучше свои роли за эти пятнадцать минут разучим? Знаешь, в России в таких случаях говорят – перед смертью не надьшишься!

– Интересные там поговорки, леди Кэтрин! Я уже шестнадцать в свой блокнот записала, все такие необычные, оригинальные...

Катя пожалала плечами: никто в доме не спорил, когда она говорила о России, о ее обычаях, пословицах и быте. Катя подозревала – по распоряжению герцогини. Или по совету доктора Веласкиса.

Мол, леди Кэтрин не совсем здорова после падения с лошади. Девочку никак нельзя волновать, нужно просто время, и все придет в норму. А пока – пусть бедняжка тешится своими фантазиями. Хорошо, сумасшедшей не объявили!

Доктор Веласкис совершенно спокойно принял Катиню заявление, что он ей снится, как и старинный замок, и сама Англия. Легкомысленно рассмеялся и заявил, что и ему частенько сон кажется реальнее самой жизни. И пожелал хороших сновидений.

Катя сердито фыркнула: ну и доктора же здесь, в Англии! Дома ее наверняка потащили бы к психиатру, посчитай она реальность сном.

Катя последний раз посмотрела на себя в зеркало. Девочка в зазеркалье выглядела хмурой дурнушкой, ее не красили ни воздушное кисейное платье, ни бесценная брильянтовая диадема, ни букетик свежих фиалок у широкого пояса.

Катя вдруг вспомнила занятия по «психологии общения» и криво усмехнулась: хороша ученица – в очередной раз забыла элементарное! Стоило, спрашивается, каждый день мучаться на занятиях, выслушивая разъяренные вопли горбоносого, смуглого, росточком едва с третьеклассника Филиппа Смоука?

Вот кто имел тысячи лиц! Мог в течение пяти минут казаться властным и сильным, даже высоким и статным – и рост не помеха! – или жалким ничтожеством, или ничем непримечательным среднестатистическим человечком, или настоящим монстром, вором и убийцей, презренным отщепенцем, выходцем из Лондонских трущоб. Моментальное преобразование!

Катя вздохнула, отдавая должное преподавателю: по его словам, все зависело от пустяков – походки, наклона головы, взгляда, расправленных или сутулых плеч, тембра голоса, построения фразы...

В памяти всплыл раздраженный окрик Смоука: «Держать спину, юная леди, всегда держать спину – это самое главное! Та-ак, хорошо, шейку тянем, тянем шейку, я сказал! Подбородок чуть вверх, теперь добавим безмятежности взгляду...»

По-прежнему глядя на себя в зеркало, Катя машинально расправила плечи и невольно усмехнулась: маленький Филипп Смоук не зря получал деньги от герцогини. Девчонка в зазеркалье мгновенно перестала смотреться затравленной жертвой, и костюм феи уже не казался на ней чужим, она выглядела вполне... да, вполне!

Катя неуклюже кружилась по залу, стараясь не налетать на стулья, они изображали кровати больных детей в лондонской больнице. Цветы из корзины никак не хотели красиво разлетаться на те же «постели», предпочитая грудой сыпаться на пол, Катя безуспешно набирала полную горсть пахучих лепестков.

Миссис Моррисон визгливо напомнила:

– Улыбку, юная леди, не забывайте про улыбку! Иначе не подбодрите, а напугаете своей мученической гримасой несчастных малышей!

Розмари, одетая в костюм эльфа, грациозная и изящная, коснулась Катиного локтя и сочувственно шепнула:

– Миссис Моррисон не права!

– Просто у тебя такая улыбка, – не менее сочувственно отозвалась Стейси, огибая покрасневшую от злости Катю с другой стороны.

– А она говорит – «гримаса»! – фыркнула Розмари, порхая между стульями с легкостью мотылька.

– Что б она понимала! – пропела в унисон подруге Стейси.

– Не слушай их, у тебя все замечательно получается, – Дженни бережно уложила очередной подарок «у изголовья больного ребенка».

Катя кивнула, с трудом растягивая непослушные губы в улыбку, и мрачно подумала, что вообще-то по сценарию у нее главная роль, а все эти эльфы и ангел просто помощники. Жаль, миссис Моррисон толком не объяснила это девчонкам, может, тогда они вели бы себя скромнее.

А вообще – дурацкий спектакль! Глупый какой-то и без всякой интриги. Просто одна больная малышка разуверилась в жизни, она из бедной семьи, отец сидит в тюрьме, а мать потихоньку спивается. Девчушка не верит даже в Санта Клауса, ну, деда Мороза. Она засыпает в рождественскую ночь, несчастная и никому не нужная, в городской больнице – у нее сломана рука – и ей снится чудесный сон. В этом сне фея цветов – цветы девочка любит больше всего в жизни! – утешает ее и обещает, что в Новом году все обязательно изменится к лучшему. Мама перестанет пить и найдет хорошую работу, папа вернется из тюрьмы другим человеком, а Санта Клаус непременно принесет ей подарки. Главное, чтобы девочка постаралась сама стать иной, более сильной, доброй, инициативной, и жалела не себя, а других. Ведь наш мир пока несовершенен и в нем так много горя, можно ли думать только о собственных несчастьях?

Малышка давно не спит, но не подозревает об этом. Она сидит в своей постели и видит фею, танцующую по палате и разбрасывающую всюду самые прекрасные цветы. И видит румяного Санта Клауса. И оленей, запряженных в настоящие сказочные сани с подарками. И эльфов, помогающих фее и Санта Клаусу раздавать красочные пакеты больным детям. И маленького ангела, сидящего у собственного изголовья – курносая ясноглазая Кимберли прекрасно справлялась с этой ролью.

Такая вот смешная английская сказка! В ней есть все, и нет ничего. Миссис

Моррисон уверена, что больным детям из бедных семей она понравится, ведь все они мечтают о подобном чуде. Ну, чтобы у родителей была работа, чтобы они не пили, чтобы не забывали о подарках к рождеству и чтобы на свете существовали добрые волшебники, исполняющие желания...

Катя споткнулась на ровном месте, вызвав смех Розмари и замечание миссис Моррисон. Девочка вдруг вспомнила о собственной просьбе деду Морозу и мучительно покраснела: она еще глупее малышки из пьесы! Хотела стать принцессой или герцогиней, всего-то! Мечтала о платьях, балах, драгоценностях и слугах, что и получила в полной мере, пусть и во сне!

Она не думала о родителях и их проблемах. И уж совсем не думала о других людях, в самом деле, несчастных, и не сочувствовала им. Она жалела себя. Только себя! А в спектакле действительно обделенного судьбой ребенка просят подумать о других. Напоминают о войнах, о разрушительных цунами, о страшных землетрясениях, о пожарах и других катастрофах, где теряют самых близких...

Впрочем, чего ради, она, Катя, должна беспокоиться о чужих?!

Ройса вполне устраивала роль Санта Клауса. Он стоял у саней, переполненных яркими нарядными свертками, и без особого интереса наблюдал за ходом спектакля, тот – и прекрасно! – благополучно шел к концу.

Юного герцога раздражали вездесущие телевизионщики со своими камерами. Они путались в ногах танцующих, пытаясь взять крупный план, и совершенно не обращали внимания на больных детей, ради которых и затевалась вся эта суета.

Герцог Хостонский надменно улыбнулся в объектив камеры, одна из журналисток снимала исключительно его, игнорируя происходящее, будто надеялась подловить Ройса на чем-то. Впрочем, вся эта братия мечтает о скандалах! Даже накануне Рождества.

Ройс нашел взглядом покрасневшую от волнения Кэт и сочувственно усмехнулся: девчонку не предупредили о съемках. Не специально, нет, просто для остальных это привычно, даже неизбежно. Все они, едва ступив за порог дома, становились объектами охоты для папарацци.

«Забавная девчонка, – размышлял Ройс, – я раньше с такими не сталкивался. Совершенно не похожа на Розмари или Стейси, а вот на Дженни... есть немного. – Он фыркнул. – Смешно, но больше всего она похожа на Кимберли! Обе не умеют скрывать эмоций, лица – как открытые книги. Правда, Кимберли еще маленькая, а вот Кэт... Интересно, все русские девушки такие?»

Неловко повернувшись, Кэт едва не сбила с ног журналиста с камерой, и Ройс непроизвольно поморщился: мамина гостья в своем репертуаре. Настоящий русский медвежонок, так же неуклюжа, и музыки будто не слышит.

Может, мама зря заставила Кэт окунуться в их жизнь по полной программе? Может, стоило ограничиться «сказочным антуражем»? Ну, магазины, лучшие рестораны, театры, дома моделей, сладостное безделье, необременительные балы, разыгранные как в фильмах специально для нее?

Зачем объяснять девчонке, случайно оказавшейся здесь – всего на неделю! – что даже на балу герцог или герцогиня всегда готовы к деловому разговору? Что состояние покоя возможно только в собственном доме, покинув же его, они становятся в какой-то мере общественным достоянием. С ними ищут встреч, их осаждают просьбами, требованиями, нередко они слышат угрозы в свой адрес, правда, чаще – лесть, последнее – еще противнее...

Катя закончила разбрасывать цветы; маленькая Кимберли запела свою заключительную песенку о Рождестве Христовом; пациенты больницы захрустели оберточной бумагой, разворачивая подарки; журналисты жадно набросились на самых симпатичных детей с вопросами...

Ройс же, присев на опустевшие сани, мысленно сравнивал гостью из далекой России со своими подругами детства Розмари и Стейси.

Юноша не понимал, почему его так притягивала эта смешная, плохо воспитанная

девчонка. Если честно, Кэт ему даже не нравилась, уж слишком она... другая! Ройс автоматически улыбнулся друзьям: они наконец сбросили упряжь и теперь со вздохами облегчения стаскивали с себя оленьи маски.

Он лениво наблюдал, как Розмари с милой гримаской давала интервью молодому симпатичному журналисту, а Стейси с дежурной улыбкой помогала трехлетней девочке освободить куклу от упаковочной бумаги. Кэт же с совершенно несчастной физиономией пыталась отделаться от желчной пожилой дамы с микрофоном, что у нее получалось из рук вон плохо. Ага, вот Дженни бросилась ей на помощь!

Ройс небрежно поправил красную шапочку Санта Клауса и с трудом заставил себя отвернуться от выразительной группы посреди больничной палаты. Его как магнитом тянуло подойти поближе и подслушать, как Кэт расправится с бесцеремонной журналисткой, но он сдержался.

Смотрел, как оживленно Стюарт, Паркер и Джейсон болтают с чернокожим мальчишкой лет двенадцати, и думал: «Розмари и Стейси воспитаны так же как я, поэтому предсказуемы. Мы всегда знаем, что ожидать друг от друга, а это... скучно. И красивы они... чрезмерно. Совершенны до приторности! Кэт... она совсем не красива. – Юноша замялся и неохотно поправил себя: – Вернее, красива, но по другому. У нее все как-то ... слишком! – Он хмыкнул, подыскав верное определение. – Слишком худенькая. Слишком большие и слишком темные глаза, зрачков не видно. Когда Кэт злится, они... как омут! Слишком крупный рот, по-детски припухлый, яркий и выразительный. Нос чисто славянский, чуть вздернутый, усыпанный веснушками, их тоже слишком много, или это пройдет через год-два? Скулы четко вылеплены, слишком четко, пожалуй. У Розмари их не видно, и у Стейси они почти не обозначены. А уж ведет она себя...»

Ройс встряхнул головой: лицо маминой гостьи как живое стояло перед ним, смеющееся и изменчивое, как погода весной. Он раздраженно пробормотал:

– Она непредсказуема!

И вздрогнул от неожиданности, услышав вкрадчивый вопрос телевизионщика:

– Вы о ком, ваша светлость?

– О погоде, конечно, – юный герцог безмятежно посмотрел в камеру. – Вы только посмотрите – снова метет! – И невольно рассмеялся, настолько разочарованно скривился молодой журналист, явно рассчитывающий на внезапность вопроса и в результате – на небольшую сенсацию.

Ройс отошел к окну: на улице действительно падал снег, и ветер с силой швырял колючие снежинки в стекла.

«Зима в этом году, как в России, – подумал Ройс. – Мама говорила – там в это время все дороги снегом занесены, жаль, я никогда не видел настоящей метели...»

Мысли привычно вернулись к гостье.

«В самом деле, интересно, все русские похожи на Кэт? У нее реакции как у маленькой Кимберли, слишком непосредственные. А уж воспитание... Настоящая маленькая дикарка! И образование весьма специфичное. Розмари и Стейси свободно говорят на нескольких языках, а Кэт едва английский освоила. Зато физику, химию и математику знает, будто год в колледже проучилась, а не в обычной средней школе. И

ничуть не стесняется высказывать свое мнение, порой жестко и бескомпромиссно, что не принято. Она упряма как... – Ройс сочувственно хмыкнул. – Делает три круга по парку, молча и без жалоб, а ведь к концу пробежки буквально валится с ног. Ненавидит свою кобылу, но уже довольно прилично держится в седле, хотя неделю назад трусила отчаянно – еще бы, столько падать! Мама говорит – Кэт талантлива, как большинство русских. Схватывает все на лету, даже не верится, что недавно о некоторых дисциплинах и не слышала. Правда, уроки миссис Моррисон... Настоящий цирк для всех! Интересно, почему в России не учат детей – она ведь из интеллигентной семьи! – правильно вести себя за столом? Не учат танцевать или хотя бы двигаться грамотно, держать спину, а не сутулиться?»

Ройс обернулся и удовлетворенно усмехнулся: Кэт и Дженни сидели у кровати больной сверстницы и о чем-то негромко разговаривали. Вернее, больше слушали, что просто замечательно, потому что рядом телевизионная камера.

«Впрочем, девчонка умеет держать удар! Не по-девичьи. Не парирует реплики, а огрызается как беспризорница, вгоняя иногда Стейси в краску. Зато Розмари довольна: русская снова показала себя невоспитанной и несдержанной.

Кэт... женственна, как никто. И смотрит на меня порой со странным ожиданием. Мама как-то сказала: в России отношения полов на другом уровне, женщины там до сих пор ждут от мужчин защиты, опеки, это так необычно. У нас каждый сам за себя, все равны, и это правильно, это настоящая демократия. С другой стороны...»

Ройс слегка покраснел, вспомнив, как порой из жалости к русской девчонке купировал возникающие скандалы, и Кэт потом ТАК на него смотрела...

И в танце она держится по-другому. Ведет именно он, Ройс, по-настоящему ведет, не как с другими девчонками. Кэт в его руках как... воск. Не пытается диктовать, просто чувствует музыку, и куда только исчезает ее неуклюжесть...

Ройс нахмурился: «Но ей здесь не нравится, слишком многому нужно учиться. Кэт не понимает – кому больше дано, с того больше и спросится. Ее раздражает, когда время расписано по минутам, совсем не так Кэт представляла жизнь принцессы...»

Ройс тяжело вздохнул: он тоже порой завидовал сверстникам из обычных семей, они предоставлены себе, счастливые! Им никто не твердит об ответственности перед людьми – мол, они от тебя зависят, неумелое управление теми же заводами чревато для служащих потерей места, а значит – нищетой, поэтому – учись, учись и учись, не теряй драгоценного времени; перед собственным родом, честь которого ты не имеешь право посрамить; перед государством, ты должен уметь принимать взвешенные и ответственные решения, ведь тебя ждет место в палате лордов...

Нет, конечно, и среди родовитейших семейств Англии встречаются отщепенцы! Вот они-то и ведут ту жизнь, о которой мечтала Кэт. Но уже взрослыми, детство и юность у всех как под одну кальку.

И учеба в закрытой школе ничуть не лучше. Когда папа был жив, Ройс два года отучился в ней, нелегких, скажем так, года. Зато приобрел друзей, они до сих пор встречаются. Да и Интернет здорово выручает, по телефону не всегда поболтаешь, нужно чтобы совпали часы отдыха.

Ройс помрачнел: теперь мама одна. Она до сих пор не оправилась после смерти

отца. Он не может оставить ее, это невыносимо, мама только-только начала приходить в себя.

Миссис Моррисон дала знак, что время вышло, телевизионщики неохотно потянулись со своими камерами к двери, и Ройс невольно улыбнулся, заметив, как просияло сумрачное личико Кэт. Да и Дженни откровенно радовалась, она устала страховать новую подругу: Кэт совершенно не умела общаться с журналистами. Или ловилась на их провокации, или откровенно грубила, что ничуть не лучше.

Дженни с некоторым недоумением посмотрела на Кэт – подруга все никак не могла распрощаться с пациенткой госпиталя, явно не англичанкой, смуглой и раскосой Нуржаман, лежащей неподвижно, загипсованной с ног до головы. Кажется, ее выбросил из окна третьего этажа пьяный отчим.

И охота Кэт с ней возиться! «Эмигрантка всего лишь», – брезгливо подумала Дженни. Добрая в общем-то девочка, она ничуть не сомневалась, что Англия предназначена только для англичан – ну и европейцев можно стерпеть! – а выходцам из стран Азии здесь не место. От них слишком много грязи, слишком много проблем, да и деньгам налогоплательщиков можно найти другое, лучшее, применение. Так считали ее родители, и Дженни верила им: к тому же, азиаты так некрасивы!

Ройс заметил – Кэт, прощаясь с больной сверстницей, что-то торопливо писала в протянутом ей блокноте. Он подошел поближе и бросил небрежный взгляд через плечо девочки: ничего себе – электронный адрес! Причем российский, неужели Кэт все-таки поняла, что не спит? Или это так, на всякий случай?

Юноша сочувственно улыбнулся: еще сегодня утром русская гостья не сомневалась, что видит сон. Ройс сам видел, как на занятиях она ожесточенно ущипнула себя за руку и потом удрученно рассматривала покрасневшее запястье. Смешная!

Он вздрогнул от неожиданности, когда Кэт обернулась и посмотрела на него в упор. Снег прекратился, солнечный свет из окна падал на ее лицо, и Ройс впервые заметил, что глаза у девочки не черные, а темно-карие, с тоненьким золотистым ободком вокруг зрачков. И густые длинные ресницы. И тонкие брови дугами. И высокий, хорошей лепки лоб. И удивительно яркие, пухлые, невольно притягивающие взгляд, губы. И... веснушки ее совсем не портили!

– Все хорошо? – хрипло спросил он.

Катя растерянно кивнула и почему-то обрадовалась, когда миссис Моррисон как всегда немного визгливо закричала:

– Господа, господа, не теряем времени, вам еще готовиться к рождественскому балу! – Она звучно похлопала в ладоши. – Уже почти два часа. Не забывайте, у больных детей режим, им пора обедать и спать!

– Нам тоже хорошо бы пару часов подремать, – проворчала за спиной Кати Розмари. – Я уже с ног валюсь, эти благотворительные спектакли так выматывают...

– А у меня лицо как деревянная маска, столько сегодня улыбалась, – раздраженно буркнула Стейси. – В жизни так не уставала!

«Кошмар, еще и рождественский бал...» – Катя затравленно оглянулась на миссис

Моррисон и подумала, что она обязательно станет вечером всеобщим посмешищем.

Перепутает вилки и ножи – это раз. Не сможет безмятежно улыбаться, когда ее будут представлять другим ученикам миссис Моррисон и устроителям бала – это два. Оттопчет все ноги партнерам во время танцев – это три...

Впрочем, кто сказал, что ее вообще пригласят танцевать?!

ГЛАВА 10 РОЖДЕСТВЕНСКИЙ БАЛ

Катя почти не дышала, боялась помять новое платье, сшитое специально к сегодняшнему дню. Почти белое, с легким розовым оттенком, оно удивительно шло ей, Катя впервые не показалась себе уродиной, глядя в безжалостное зеркало.

И волосы ей уложили необыкновенно удачно: большую часть подняли наверх и украсили живой орхидеей, а отдельные темные локоны свободно падали на лоб и плечи, подчеркивая белизну кожи и высоту шеи. И «стоечка» из крупных розоватых жемчужин Кате очень нравилась, она дополняла платье, как бы «ставила точку», делая ее наряд уникальным и совершенным.

Лилли, увидев ее, пришла в восторг и по-детски захлопала в ладоши. Сегодня причесывала и одевала Катю не она, а известнейший лондонский стилист и его мастера. Они обращались с Катей одновременно уважительно и бесцеремонно, словно забывая временами, что перед ними не манекен, а живая девочка.

Правда, ее двухчасовые муки того стоили!

Уставшая Катя простила мастерам все, когда увидела ошеломленные лица Ройса и герцогини Хостонской. А противная мисс Глюк демонстративно протерла глаза и заявила, что видит сон, уж слишком Катя сейчас тихая, торжественная и благопристойная.

Подумать только, так и сказала – благопристойная! Будто она, Катя, раньше вела себя... хм... не пристойно, что ли?

Катя протяжно вздохнула, наблюдая в окно, как быстро проносятся мимо поля, деревья вдоль обочин и небольшие поселки. Дороги здесь, в Англии, сильно отличались от российских, конечно, в лучшую сторону.

Катя почти не чувствовала движения, настолько мягко и бесшумно двигалась машина. И это на приличной скорости! Сто семьдесят, сто восемьдесят километров в час даже в дождь, о таком в России приходилось лишь мечтать, когда только появятся у нас подобные автобаны...

Катя украдкой посмотрела на Ройса и жарко вспыхнула, поймав его внимательный изучающий взгляд. Снова отвернулась к окну и тоскливо подумала, что в жизни не видела такого красивого парня. Жаль, он не для нее! Здесь, во сне, Ройс ее кузен, ближайший родственник. А если бы все это происходило наяву, то кто она такая, чтобы Ройс обратил на нее внимание?! Простая девчонка. Даже не слишком симпатичная. Правда, в ней тоже течет дворянская кровь... Кате вдруг стало стыдно: да какая разница?!

Сегодня за обедом герцогиня как раз мельком коснулась этой темы. Из-за мисс Глюк. Гувернантка только что просмотрела свежую газету и громогласно возмущалась очередным мезальянсом, кто-то из родовитых женился на обычной девушке, родители – врач и учительница. Герцогиня же рассмеялась и заметила, что время от времени в их семье такое тоже случается, и ничего страшного – приток свежей здоровой крови

только на пользу потомкам. К тому же эти браки исключительно по любви, а что такое мезальянс по сравнению с семейным счастьем?

Катя, слушая ее, уронила от волнения вилку, и мисс Глюк тут же прочла ей лекцию, как должна вести себя за столом «юная леди». Не слушать старших с открытым ртом, а благовоспитанно, без всякой жадности есть, тем более, непосредственно к ней никто не обращался. И посоветовала брать пример с герцога. Как всегда!

Думая о своем, Катя и не заметила, как они въехали в город, и теперь взволнованно рассматривала праздничные, сверкающие огнями улицы.

Наряженные елки стояли практически у всех магазинов, игрушечные Санта Клаусы карабкались по стенам домов, окна светились рождественской символикой, в палисадниках – фигурки оленей с санями...

Вереница машин – преимущественно лимузины – медленно двигалась к парадной лестнице гостиницы, древнему, величественному зданию с высокими узкими окнами. У входа машины на несколько минут останавливались, выпуская своих юных пассажиров, красная ковровая дорожка стелилась им под ноги.

Одетые в парадные мундиры швейцары суетились вокруг вновь прибывших гостей, провожая их в разукрашенный к рождеству холл.

Катя невольно поежилась, такими серьезными и торжественными показались ей лица швейцаров. Будто встречали они не подростков, а иностранную делегацию, скажем – глав какого-нибудь дружественного государства. Ни улыбки снисхождения, ни подбадривающих слов – ничего!

Впрочем, юные гости держались совсем не как обычные дети, наряженные для школьного новогоднего бала. Катя даже представить не могла на месте этих юных англичан своих одноклассников – вот было бы криков, смеха, коротких шутливых потасовок и даже внезапных ссор!

Здесь же собрались отпрыски лучших семейств Лондона – спокойные, самоуверенные, отлично знающие себе цену, одетые в дорогие, сшитые на заказ смокинги и длинные вечерние платья. Лишь возбужденные, радостные лица свидетельствовали о возрасте гостей, все-таки их ждал рождественский бал, ночь веселья, развлечений и обязательных подарков.

Катя протяжно вздохнула: если бы все это не совмещалось со своеобразным экзаменом! Ведь миссис Моррисон будет следить за ними как настоящий коршун, отмечая в своем блокнотике все ошибки и недочеты.

«Вернее, мои ошибки и недочеты, – угрюмо поправила себя Катя. – Остальные держатся естественно, миссис Моррисон просто отшлифовала привитые им с детства навыки, это для меня все в первый раз...»

Катя из окна машины с завистью наблюдала за возбужденными подростками, собравшимися в фойе. Почти все они знакомы между собой, дружат с детства, и уже сейчас разбились на веселые группы.

А она здесь совсем одна!

Катя помрачнела: даже Дженни не выручит, ей только одиннадцать, Дженни нет

среди приглашенных. А Розмари и Стейси лишь порадуются любому Катиному промаху и обязательно обратят на них внимание других гостей.

Катя с упавшим сердцем изучала красивые платья девочек, их сложные модные прически, украшенные цветами, лентами или фамильными драгоценностями. Собственный наряд уже не казался ей совершенным. К тому же большинство девочек выглядели восхитительно взрослыми! Катя на их фоне – гадкий утенок. А если вспомнить про веснушки...

Катя зажмурилась от страха – их лимузин занял место напротив ярко освещенного входа. И вздрогнула от неожиданности, когда Ройс коснулся ее пальцев и мягко сказал:

– Все будет хорошо.

Он сочувственно улыбнулся, когда Катя судорожно вздохнула и прошептала:

– Мне страшно.

– А ты не бойся. Просто забудь про миссис Моррисон.

– Про нее забудешь!

– Помни только – это рождественская ночь, почти волшебная. Сегодня не может произойти ничего плохого!

В дамском комнате Кате стало немного лучше, зеркало милосердно показало, что Катино платье ничуть не хуже нарядов других девушек, а ее жемчуг по-прежнему изумителен.

Жаль, веснушки остались на месте! Противный стилист наотрез отказался заретушировать их. Сказал, что обилие косметики в ее возрасте недопустимо и просто вульгарно, к тому веснушки придают Кате определенный шарм. Утешил, называется!

Катя вышла в холл и растерянно остановилась: никого из знакомых. Сейчас ее обрадовали бы даже Розмари со Стейси – все не одна!

Ученики миссис Моррисон здоровались друг с другом и собирались оживленными стайками, никто не обращал на застывшую посреди зала Катю ни малейшего внимания, она почувствовала себя невидимкой.

Катя тут же представила новогодний вечер в своей школе – весело болтающих девчонок, мальчишек, украдкой бросающих взгляды на необычайно нарядных одноклассниц, вечно комплексующую из-за собственной полноты Ленку и самоуверенную Верку в «парижском» платье... Видела бы Верка сейчас ее, Катю! Она с горечью подумала, что никогда Вера с Леной не окажутся здесь. Ее сон подчинялся каким-то на диво реалистичным законам: чужаки в высший свет не допускались. Атмосфера исключительности и снобизма старательно поддерживалась взрослыми, она, Катя, единственное исключение.

Впрочем, нет! Здесь она племянница герцогини Хостонской, большинство гостей куда ниже по положению. Катю передернуло. Сейчас она, не задумываясь, отказалась бы от своих глупых детских иллюзий. Теперь не высшее общество, а ее милый дом и друзья казались чудесной сказкой.

Катя машинально прошла первое испытание – цепочку встречающих, и вошла в банкетный зал. Приблизилась к высокой елке, стоящей в самом центре, столики располагались по кругу, и восхищенно замерла: какая красавица!

Катя рассматривала игрушки, и сердце ее таяло, как в раннем детстве, когда она еще по-настоящему верила в деда Мороза. Служащие отеля по праву гордились своими традициями и историей, большинство игрушек оказались старинными, часто – ручной работы. Она никогда раньше подобных не видела: ярко раскрашенные фигурки зверей из дутого стекла или папье-маше, крошечные сани, запряженные позолоченными оленями, разноцветные, разнокалиберные шары, ангелочки с крыльшками, удивительно напоминающие маленькую Кимберли, лица расписаны необыкновенно тщательно, фонарики, стеклянные бусы, другая мишура и главное – самые настоящие свечи, горящие среди пушистых ветвей.

Елка пахла лесом и смолой! Она пахла сказкой!

Катя качнула пальцем ближайшего ангелочка и ошеломленно попятилась: вдруг показалось – крошечная Кимберли ободряюще подмигнула ей. Да нет, конечно, нет, это просто дернулся от сквозняка огонек ближайшей свечи!

Катя поискала взглядом Санта Клауса и внезапно поняла: русский дед Мороз ей понятнее и ближе. Он надежнее, что ли, солиднее, в своей длинной шубе. Интересно, он здесь есть? Ведь это Англия...

«Глупая! При чем тут место? – одернула себя Катя. – У любой елки непременно дежурят дед Мороз и Санта Клаус. Все дело в том, кто к ним обращается, и вообще – он один, просто по-разному называется...»

– О, Кэт! Ты нашла уже свой столик?

Катя обернулась и радостно улыбнулась: Джейсон! Какой важный, в настоящем смокинге, с цветком в петлице, пахнущий дорогим одеколоном...

– Нет еще. А ты?

– Тоже нет. Пойдем, вместе поищем?

– Да, спасибо. Только... подожди минуту!

– О-о! Загадываешь желание?

– Ну... – смутилась Катя. – Рано, наверное? Положено в двенадцать?

– Глупости! Моя мама раньше говорила: каждый сам чувствует свое время. – Джейсон хмыкнул. – Ну, Санта Клаус один, а нас много. Он же не может всех слышать одновременно?

– Тогда... я хочу обратиться к нему сейчас, – Катино лицо показалось юноше на удивление серьезным.

Джейсон кивнул и, отходя в сторону, чтобы не мешать, с легкой завистью пробормотал:

– Счастливая! А я вот давно не верю в Санта Клауса. Пожалуй, с десяти лет, как только старик вместо подарков стал оставлять мне под елкой чеки, подписанные отцовской рукой. – Джейсон оглянулся на Катю и пожал плечами. – Впрочем, я не жалеюсь...

Но Катя его не слышала. Она стояла перед елкой, крепко зажмурившись и сжав кулаки. Просила деда Мороза забыть о ее глупом давнем желании. Теперь у нее есть другое, настоящее: пусть она завтра же проснется дома в своей постели! Пусть мама опять ворчит, что лень раньше Кати родилась! Пусть папа ругает за несобранность! Пусть Ленка Плющенко считает ее задавакой, но остается подругой – навсегда! – и

пусть она выиграет новогодний конкурс!

«А про украденный стих я Ленке ни за что не скажу, – твердо решила Катя. – Какой смысл жалеть о том, что не изменить? Просто в следующий раз...»

Катя расслабилась – у нее будто камень с плеч упал – и открыла глаза: прямо перед ее лицом покачивался маленький белокурый ангел, его круглые голубые глаза смотрели строго и серьезно.

Она погладила пальцем искусно сделанные крылышки и виновато прошептала:

–Я знаю, это нехорошо, я настоящая трусиха, но я же раскаиваюсь, вот честное слово...

И быстро пошла прочь от елки, к ожидающему ее Джейсону.

И вот Катя снова сидела в машине, уставшая, опустошенная и счастливая. Она не смотрела в окно, ее не интересовал сверкающий огнями Лондон, она не косилась украдкой на Ройса, ей вполне хватало его плеча, надежного и дружеского.

Прошедший вечер все еще жил в девочке, и она снова искала с Джейсоном свой банкетный стол, это оказалось несложно: возле каждого прибора лежали карточки с выгравированными именами.

Кате повезло, за ее столом оказались Розмари, Стейси, Ройс, Джейсон и Паркер. И ее приветствовали радостно, без всякой иронии. Ни Розмари, ни Стейси не стали этим вечером ехидничать и прохаживаться в ее адрес. Стейси, сидевшая напротив, даже шепнула, чтобы Катя внимательно следила за ней и брала те же приборы, если вдруг что забудет. А Розмари вежливо отметила, как идет Кате платье – мол, она выглядит сегодня как «настоящая леди».

Жаль, справа от Кати оказался не Ройс или Джейсон, а мрачноватый Паркер, именно он на этот вечер был ее «кавалером», вежливым и предупредительным. Так их рассадила миссис Моррисон.

Поразительно, но Катя ни разу не перепутала вилки! Ей даже не приходилось следить за соседями по столу, она, оказывается, все помнила. Правда, удовольствия от еды Катя практически не получала. Она осторожно пробовала одно блюдо за другим и спокойно позволяла вышколенным официантам сменить свою тарелку другой, такой же полной.

Катя внезапно вспомнила новогодний ужин дома и невольно улыбнулась: Там она едва выползала из-за стола, так набивала живот всякими вкусностями!

Здесь же приходилось не столько есть, сколько неспешно беседовать. Миссис Моррисон требовала соблюдение этикета: в разговоре должен участвовать каждый. Хорошо, нашлась общая тема, обсуждали сегодняшней благотворительный спектакль. Все дружно решили – он прошел как всегда. А Розмари шепотом призналась, что мечтает о том времени, когда ее наконец освободят от этой скучной повинности. Вот исполнится шестнадцать...

Когда же заиграл оркестр, и распахнулись двери – знак, что ужинающие должны закончить разговоры и торжественно направиться в бальную залу, Катя едва не уронила фужер с безалкогольным шампанским. Ей снова стало страшно!

Она с завистью наблюдала, как весело выпорхнули из-за стола Розмари со Стейси, как они пересмеивались и шепотом что-то обсуждали, с любопытством рассматривая возможных партнеров.

Катя вновь показалась себе неуклюжей и некрасивой. Она едва не опрокинула стул, выбираясь из-за стола. Девочку подташнивало от волнения, и Катя благодарно улыбнулась Паркеру, вовремя поддержавшему ее под локоть.

Она смотрела на других девушек, нарядными бабочками летевшими в бальную залу: неужели ее не пригласят танцевать?! И бросила испуганный взгляд в зеркало: разумеется, опять забыла об уроках Филиппа Смоука!

Девочка торопливо втянула живот и расправила плечи. Украдкой покосилась на собственное отражение и «потянула шейку», наивно удивляясь – в который раз! – что такие пустяки совершенно меняют облик. И жарко покраснела, когда Ройс одобрительно прошептал, проходя мимо:

– Молодец. Осанка и независимый вид – это все, не забывай.

Машина мягко затормозила у светофора, Катя смущенно улыбнулась, не открывая глаз: не очень-то ей понравилось танцевать с Паркером. Слишком серьезный, он во время танцев рассказывал о своих планах на жизнь. Паркер собирался стать исполнительным директором одной из отцовских фирм и все никак не мог выбрать колледж и будущую специальность. Смешной, он советовался с ней!

Катя ничем не могла помочь, поэтому кротко со всем соглашалась, и в результате Паркер решил, что придется приобретать две специальности: юриста и экономиста. Он даже поблагодарил Катю. Сказал: она помогла сделать выбор!

Потом Паркер извинился и ушел в комнаты для мужчин, Катя осталась одна. Присела на софу и с завистью наблюдала, как кружатся посреди зала нарядные пары. Она с трудом отводила взгляд от Ройса, танцующего с Розмари. Они казались ей самыми красивыми здесь!

Миссис Моррисон увидела, что Катя сидит одна, и недовольно покачала головой: эта странная девочка снова требовала особого внимания. Катя заметила, что миссис Моррисон направила к ней незнакомого юношу, задержав его у выхода из мужских комнат.

Ее бросило в краску: смуглый темноволосый парень вовсе не рвался знакомиться! Шел к ней с мученической улыбкой. Катя перехватила разочарованный взгляд белокурой девушки, стоящей у окна с подругами, видимо, она ждала его. Сердце упало, рождественский бал мгновенно потерял свою прелесть. Кате захотелось домой, она почувствовала, что смертельно устала и хочет спать.

Она не желала, чтоб кого-то заставляли танцевать с ней! Катя так торопливо вскочила с места и бросилась к дамским комнатам, что поскользнулась и растянулась посреди зала. Какой позор! Ей хотелось умереть! Катя слышала встревоженные возгласы и редкие смешки гостей миссис Моррисон и сгорала от стыда, даже не пытаясь подняться. Она казалась себе сломанной куклой, у которой кончился завод.

Зато потом... ее поднял Ройс! Катя смаргивала непрошенные слезы, а Ройс бережно поправил орхидею в ее волосах и тепло улыбнулся:

– Ничего страшного.

Это прозвучало так странно, так дико: ничего страшного?! – что Катя рассмеялась. И Ройс склонил перед ней голову, приглашая на танец.

Катя кружилась с ним в вальсе и продолжала смеяться, ей вдруг показалась, что она спит.

«Сон во сне, называется, – почти равнодушно думала она. – Я, наверное, схожу с ума».

Ройс легко коснулся пальцем ее влажной от слез щеки и пробормotal:

– Смеяться, когда хочется плакать? Знаешь, в этом что-то есть...

– Просто, – Катя судорожно всхлипнула, – это так глупо, что смешно.

А Ройс смотрел на нее странно... Будто у Кати внезапно исчезли все веснушки, и она уже не плоскогрудая неуклюжая девчонка-подросток, а... настоящая, самая настоящая девушка, почти красавица.

В Катиной жизни не было волшебнее вечера!

Ройс больше не отходил от нее. Танцевал с Катей, даже когда большинство приглашенных снова разбились на группы. Смеялись и болтали, потягивая напитки, которые разносили вышколенные официанты. Может, ребята не танцевали, потому что оркестр к концу вечера перешел исключительно на старинные мелодии?

А Катя бездумно кружилась с Ройсом посреди зала и была счастлива, как никогда. Под пальцами скользила гладкая ткань смокинга, Катя чувствовала чуть горьковатый запах мужского одеколona и мечтательно улыбалась...

Катя не заметила, как пролетел ее первый рождественский бал. Она ехала в лимузине, положив голову на плечо вдруг помрачневшего Ройса и с горечью думала, что не хочет его терять.

Даже если придется проснуться!

Катя плохо помнила, как рассталась с Ройсом и как добралась до своей комнаты. Там ее встретила улыбающаяся Лилли. Поздравила с наступившим Рождеством и торжественно вручила небольшой сверток. От нее.

Только тогда Катя вспомнила про другие подарки, они лежали на отдельном столике в холле гостиницы, рядом стояла табличка с ее именем. Если бы не Ройс, Катя и не догадалась бы подойти к этим столам, заваленным пестрыми свертками, коробками и пакетами.

Она ахнула от изумления: как много всего! Там были открытки, пришпиленные к яркой бумаге и подписанные Розмари, Стейси, Джейсоном... даже от Дженни и Кимберли лежали для нее подарки! И от Ройса, и от герцогини Хостонской, и от миссис Моррисон и от профессора Мэнсфилда...

Катя растерянно обернулась к Ройсу и смущенно призналась, что совершенно не подумала о подарках для других, просто... не подумала, и все! Ройс улыбнулся и сказал свое обычное:

– Ничего страшного.

И она мгновенно успокоилась, как ни странно.

Катя послушно стояла перед Лилли, горничная осторожно расстегивала жемчужное ожерелье. Девочка чувствовала себя выжатой, она едва держалась на ногах, глаза слипались.

Катя бездумно починаясь чужим рукам, лицо ее казалось безмятежным, и Лилли удивленно пробормотала:

– Надо же, сегодня ваша светлость не отталкивает меня со словами – «я сама!»

– Я просто устала.

– Еще бы – почти четыре утра!

– Я никогда так поздно не ложилась, даже в новогоднюю ночь. Часов до двух в прошлом году сидела у телевизора, потом папа унес меня в постель, я даже не проснулась...

– Опять вы об этом!

– Извини, Лилли, просто я...

Катя пожала плечами, но продолжать не захотела. Горничная проводила ее в ванную. Повесила рядом с душевой кабиной свежий халат, чистое махровое полотенце и сочувственно сказала:

– Я сейчас чашечку чая принесу, с медом, перед сном выпьете.

– Не нужно, не хочу.

– Все равно принесу, – Лилли звонко чихнула. Извинилась и пояснила: – Доктор Веласкис сказал – подать чай вам и герцогу, он и термос принес. Наверное, там травки какие-нибудь, ну, я в этом не очень-то разбираюсь...

Катя пожала плечами и закрылась в душевой кабине. Легче выпить чашку, чем спорить с упрямой Лилли, боявшейся потерять хорошо оплачиваемую и

необременительную работу в замке.

Лечебный чай Кате не понравился, показался слишком пахучим и странно терпким, доктор Веласкис явно перестарался с травами. Катя с трудом допила горячий пряный напиток и вернула тонкую прозрачную чашку из костяного фарфора горничной. Без сил нырнула в свою огромную постель и, проваливаясь в сон, услышала звонкий голосок Лилли:

– Еще раз – счастливого Рождества, ваша светлость...

ГЛАВА 11 ПИСЬМО

Просыпалась Катя трудно, почему-то кружилась голова. Что-то раздражало девочку, какой-то странный дребезжащий надоедливый звук, чем-то знакомый и в то же время забытый. Она протяжно зевнула и перевернулась на другой бок, вставать совершенно не хотелось. Где-то рядом загудела машина, Катя досадливо поморщилась – разъездились с утра пораньше! И тут же резко села в постели, не открывая глаз.

Вдруг стало ясно, что напомним странный звон: так дребезжал обычно трамвай, сворачивающий на ее улицу с Воскресенского проспекта. Потрясенная открытием Катя замерла, прислушиваясь. Сердце колотилось так отчаянно, что стук отдавался в ушах, заглушая звуки с улицы, на лбу выступила испарина.

– Где я? – выдохнула Катя, страхась открыть глаза.

Она слепо протянула руку и вскрикнула от неожиданности, сразу же наткнувшись на стену. Причем не на шершавую тканую поверхность гобелена, а на гладкую, чуть шелковистую, явно бумажную. «Неужели...»

Катя всхлипнула, нащупав прикроватную тумбочку, что-то упало, и Катя в панике открыла глаза: будильник. Ее старый пластмассовый будильник, подаренный папой почти восемь лет назад, как только она пошла в школу!

Не веря себе, Катя оглянулась и зажала рот ладонью, чтобы не закричать: она... дома! Вот ее письменный стол, как всегда заваленный учебниками, тетрадами, дисками и всякой девичьей мелочью, мисс Глюк позеленела бы от злости, увидев такой беспорядок... С ума она сошла, какая мисс Глюк?!

Катя рассматривала свою комнату, как настоящее чудо, жадно отмечая взглядом любой пустяк: компьютерный столик, вокруг монитора и над ним – любимые мягкие игрушки. Белый медвежонок по-прежнему сидит на правой колонке, левая – занята смешной рыжей обезьянкой, а на верхней полке расположился самый настоящий зоопарк... Цветы на подоконнике: китайская роза собирается цвести, Катя насчитала три бутона. А вот – гардения, и тоже бутон, жаль, один. Катя сама ее вырастила, взяв у Ленки небольшую веточку. И мелколистный фикус в углу детской, разросшийся в пышный куст... Старенькое кресло, разбитое и потертое, папа давно уговаривал сменить его на новое, а Катя не соглашалась: в нем так уютно сидеть вечерами с книжкой или наушниками... Узкий диван, на нем пестрой россыпью Катина одежда, никак она не приучит себя перед сном убирать все в шкаф, вот мисс Глюк ругалась бы...

Катя потрясла головой: опять этот сон! Неужели только сон?!

Она осторожно сползла с постели. Прошла по комнате и прошептала:

– Какая маленькая...

Дверь чуть скрипнула, в детскую заглянула мама, и Катя с коротким всхлипом бросилась ей на шею, едва не сбив с ног. Прижалась к ней, вся дрожа и с трудом сдерживая слезы. Жадно вдохнула такие родные запахи – нежную смесь туалетной воды, любимых маминых духов и кухни.

– Мамочка, я так тебя люблю, я так по тебе соскучилась...

Мама судорожно вздохнула и крепко обняла Катю. Зарылась носом в ее волосы и прошептала:

– Ты выздоровела, солнышко, слава Богу...

Катя вздрогнула и подняла голову: в маминых глазах стояли слезы.

– Я... болела?

– Д-да, целую неделю...

– Неделю?! – ахнула Катя. – Мам, сегодня какое число?

– Двадцать пятое.

– Декабря?

– Конечно, декабря.

– Суббота?

– Да, солнышко.

– И я целую неделю не ходила в школу?

– Ты в сознание практически не приходила, температура почти не спадала, какая-то редкая форма гриппа, хорошо, что все кончилось благополучно...

В мамином голосе звучало такое явное облегчение, что Катя поверила: оказывается, она была элементарно больна! Как все просто. Больна! Но разве бывают такие последовательные, такие логичные сны?

– Какие сны, детка? – мама отвела со лба дочери спутанные темные кудряшки, и Катя поняла, что задала последний вопрос вслух.

– Та-ак... – она неуверенно пожала плечами. – Разные...

– Кошмары?

– Да нет, пожалуй...

Катя неохотно выбралась из кольца маминых рук и вернулась в постель. Похлопала по смятому одеялу, приглашая маму сесть рядом, и задумчиво протянула:

– ТАМ я была принцессой. Настоящей, понимаешь? Ну, маленькой герцогиней, это практически одно и то же. Меня называли «ваша светлость»... Все было как по правде, мам, вот честное слово!

Мама забралась с ногами на диван и обняла дочь за плечи. Поцеловала в висок и осторожно произнесла:

– По-моему, прекрасный сон.

– Да, наверное...

– Ты ведь давно мечтала пожить как настоящая аристократка. В старинном дворце, со слугами... – Мама прижала Катину голову к своему плечу и лукаво спросила: – Надеюсь, в твоём сне не было недостатка в бальных платьях и драгоценностях?

– Да уж, хватало!

В дверь заглянул папа и радостно улыбнулся, увидев Катю:

– Доктор был прав, ты выздоровела!

– Доктор? – рассеянно переспросила Катя, думая о своем.

– Он сказал, – пояснил папа, – что к субботе ты встанешь. Этот странный грипп протекает тяжело, но держится ровно неделю. Слава Богу, он не ошибся!

Катя жадно всматривалась в лицо отца и молчала, не зная, что сказать. Пусть она лежала всю эту неделю тут же, в родном доме, на диване – надо же, ничегошеньки не помнит! Все равно кажется, что вечность не видела папы. Он такой... такой... такой родной!

– Па, я тебя люблю, – пробормотала Катя.

– А уж как я тебя люблю, Катюха! – папа хрипло раскашлялся. Потом взлохматил себе волосы и с фальшивой бодростью воскликнул: – Пойду-ка я лучше чайник поставлю. Доктор велел побольше горячего питья тебе давать, как придешь в себя!

Катя огорченно вздохнула. Ей хотелось смотреть и смотреть на папу, просто чтобы знать: он рядом и никуда больше не исчезнет. Жаль, ушел!

– Я что, целую неделю была без сознания? – Катя посмотрела на маму.

– Да нет, солнышко, скорее, просто спала. Доктор колол тебе какие-то препараты, в него входит снотворное, кажется. Он сказал – так легче переносится болезнь.

– Ничего себе – дрыхнуть без задних ног целую неделю!

– Ну, не все время. Мы тебя кормили с ложечки, умывали, причесывали. Говорили с тобой, ты иногда даже отвечала...

– Ничегошеньки не помню!

– Не страшно, солнышко, зато все позади.

– Ты б еще сказала, мам – ничего страшного!

Катя вдруг покраснела. В ее ушах и сейчас звучало любимое выражение Ройса. Так он обычно говорил, когда она, Катя, делала очередную глупость.

– Ну и скажу, – мамин голос дрогнул. – Главное: мы сидим с тобой рядышком, ты здорова, с тобой все в порядке, я ведь целую неделю с ума сходила...

Они помолчали. Мама прижала дочь сильнее, Катя с любопытством рассматривала собственную комнату.

– Но тебе же понравился сон? – робко спросила мама.

– Да, он классный, – Катя горько усмехнулась: – Все как в жизни, из-за лекарств, наверное...

– И... каково?

– Что «каково», мам?

– Быть принцессой.

Катя удивленно посмотрела на маму:

–хлопотно. И потом, знаешь, мам...

– Что, солнышко?

Катя тяжело задумалась. Долго подбирала в уме слова, потом глухо произнесла:

– Там, во сне, у меня было все. ВСЕ, понимаешь?

Мама кивнула.

– Платья, драгоценности, слуги, комната огромная, ванна с гидромассажем, душевая кабина с тьмой функций, зимний сад, гувернантка, профессора-преподаватели, я

ездила в лимузинах, представляешь? Все, как мечтала, все, что положено принцессе или герцогине... – Катя судорожно сглотнула. – Но... никто там меня не любил! Никто, мам!!! – Катя уткнулась носом в мамино плечо и еле слышно

пробормотала: – Все такие вежливые, воспитанные, даже красивые и... холодные, как ледышки. И я там чужая! Совсем чужая и никому не нужная. Такой вот странный сон...

Мама слушала, затаив дыхание. Катя горестно шмыгнула носом и пожаловалась:

– И потом, у меня там не было ни минуты свободного времени!

– Сама мечтала о ресторанах, театрах, балах... – поддразнила мама.

– Какие рестораны или балы?! – у Кати от возмущения сел голос. – Меня заставляли учиться, мам! Больше, чем в школе, клянусь! Разве это нормальный сон, мам?! – И неуверенно предположила: – Может, лекарства виноваты или грипп?

Мама еле слышно засмеялась. Катя сердито засопела:

– Вовсе не смешно!

Мама нежно подула в покрасневшееся лицо дочери:

– Неужели тебе никто не понравился там, в твоём сне?

Катя пожалала плечами:

– Какая разница? Раз это всего лишь сон.

– Ну, интересно же...

– Мам, это ведь сон! Не спрашивай меня о нём больше, ладно?

Мама кивнула и погладила Катю по голове. Девочка жалобно прошептала:

– Только вот подарков жалко...

– Каких подарков? – мама удивленно посмотрела в мятежные глаза дочери.

– Рождественских, мам. Вчера же было католическое Рождество, вот они мне и причудились, я же оказалась в Англии, там, во сне.

Мама улыбнулась. Катя расстроено покачала головой:

– Эх, целая груда коробок и коробочек, а я так и не развернула ни одного свертка!

– Почему же не развернула?

Катя замерла с открытым ртом и вдруг изумленно призналась:

– Знаешь, мам, там они мне были не интересны. Вот честное слово, я как-то о них и не думала, и не ждала, даже удивилась, когда увидела. Зато здесь... О-о, были б они здесь!!!

– Ох, солнышко, ну и путаный же у тебя сон, – засмеялась мама.

– Почему – путаный, – обиделась Катя. – Очень даже логичный.

– Я не о том.

– А о чем?

– Просто ты, пока болела, перепутала сон с явью.

– Это... как?

– Ну, тебе, например, пришел целый контейнер подарков из Англии от какой-то герцогини Хостанской...

– От... кого?!

– От герцогини Хостанской, зайка, она каждый Новый год рассылает подарки российским детям. Как-то отбирает их, не знаю уж точно по какому принципу, может компьютерная программа какая-нибудь...

– И... что?!

– Ничего. Просто в этом году ты оказалась в её списке. А мы с папой тебе все-все рассказывали. Доктор велел непременно с тобой разговаривать, ведь ты все понимала,

хоть и почти все время дремала...

Побледневшая Катя слушала маму с открытым ртом.

– Папа даже показывал тебе эти свертки...

– К-как?

– Ты в тот вечер чувствовала себя неплохо, вот он и отнес тебя в зал. Ты даже смеялась, когда подарки рассматривала...

– Я их видела?!

– Нет, ты не вскрывала упаковки, если ты об этом. Только одну коробку с нарядным платьем мы распаковали, уж очень интересно было – что там. А ты просто разглядывала открытки, они оказались прикреплены к бумаге. Папа зачитывал тебе, от кого они.

– И... от кого? – потрясенно выдохнула Катя.

– Какие-то английские имена, довольно сложные, я не помню, детка. Знаешь, сейчас многие занимаются благотворительностью. А это что-то типа подарков от деда Мороза, как выигрыш в лотерею...

– Зато я помню, – Катя сжала кулаки: – От Розмари, от Стейси, от Джейсона, от Кимберли...

– Это имя и я запомнила, – оживилась мама. – Правда, необычное?

– Да, мам, – угрюмо кивнула Катя. – Очень необычное. Как и мой сон...

В школу Катя пошла лишь в пятницу, перед самыми каникулами, на этом настояла мама, заявив, что ребенку нужно прийти в себя после длительной болезни. Папа не возражал, как и всегда. И Катя согласилась, вдруг оказалось трудным выйти из дома, как ни в чем ни бывало.

Странный сон мучил ее! Никак не хотел забываться! Катя часами стояла у окна, но видела не шумный проспект Победы, перед глазами все еще стоял заснеженный парк у старинного замка. Девочка вздрагивала от любого резкого звука, ей до сих пор чудился строгий голос гувернантки или звонкий, веселый – горничной.

Катя радовалась, что днем мама с папой на работе. Она плохо представляла, что скажут родители, застав ее над учебниками – добровольно! – или у компьютера опять-таки за учебными программами.

Хватит и того, что мама с папой озабоченно хмурились, заглядывая вечерами в ее комнату: идеальный порядок в детской удивлял их. Во вторник мама открыла Катин платяной шкаф и потрясенно приподняла брови: всегда неопрятно забитые полки оказались практически пусты, и вешалки аккуратной грудой лежали внизу, только три были заняты.

Катя, не дожидаясь вопросов, виновато пробормотала:

– Ма, я вынесла к мусоропроводу все, что не буду носить. Я не выбрасывала, честно! Просто сложила кучкой, а через час выглянула – пусто...

– Еще бы не пусто, – мама ошеломленно покачала головой. – Только за твой брючный костюм из лиловой кожи папа выложил половину зарплаты!

– Мам, он так вульгарен...

– Я же тебе говорила это! А ты – в слезы! Вот папа и...

– Ты была права, прости.

Мама круглыми глазами посмотрела на дочь, но с ответом не нашлась. Вышла и бесшумно прикрыла за собой двери детской. Катя понимала – сейчас они с папой обсуждают ее на кухне. Но подслушивать не стала, вдруг показалось унижительным.

Подарки Катя не разбирала – раз мама сказала, что они присланы к Новому году, то она подождет. А вот распакованное во время болезни бальное платье заняло почетное место в Катином шкафу. Девочка могла смотреть на него бесконечно долго: именно в нем она танцевала на рождественском балу.

«Надо же, как причудлива человеческая фантазия, – грустно размышляла Катя, бережно касаясь пальцем бело-розового шелка. – Все в моем сне завязано в один узел, все логично, хоть плачь. Наверное, в лекарстве были какие-то психотропные препараты, правда, непонятно, зачем...»

Ночами Катя ворочалась без сна, вспоминая свои странные приключения в Англии. Бессонница не удручала: еще бы – проспать почти беспробудно неделю подряд! Она похудела и побледнела, родители посматривали на нее с тревогой.

В среду вечером Катя впервые позвонила Лене и смущенно улыбалась, слушая восторженные возгласы подруги – мол, наконец, выздоровела! Разве можно болеть

перед самым Новым годом?! Лена шепотом напомнила про тридцатое декабря – как раз завтра! – а Катя никак не могла понять, что волнует подругу. Она совершенно забыла про конкурс!

Зато каждую минуту помнила о Ройсе. Надо же – влюбиться в плод собственной фантазии! Такое только с ней могло случиться.

Катя горестно усмехнулась: романтической Ленке понравилась бы эта история. Только Катя ни одному человеку ни словечка не скажет. Это только ее сон!

Катя не долго раздумывала, что выбрать. Из оставшихся вещей в школу можно было надеть лишь джинсы и свитер. Все мини-юбки, трикотажные платья в обтяжку или супермодные джинсовые костюмы уже принадлежали кому-то другому.

И куртку Катя надела старую мамину, собственная вдруг показалась слишком короткой и яркой, мисс Глюк она наверняка бы не понравилась.

Катя теперь не одергивала себя, вспоминая героев сна: кому какое дело? Она же не собирается тревожить ложными воспоминаниями родителей.

Девочка задержалась у зеркала в прихожей и непроизвольно расправила плечи. В голове прозвучало: «Тянем шейку! Та-ак, неплохо, теперь добавим безмятежности взору...»

Она подчинилась собственным мыслям и невольно рассмеялась: грустная девочка в зазеркалье почему-то напоминала ее, прежнюю, еще меньше чем принцесса из сна, хоть та и была наряжена в настоящее бальное платье.

Странно, но Катя чувствовала себя повзрослевшей. За неделю болезни!

Катя много размышляла о причинах необычного сна и пришла к выводу, что это игры подсознания. Когда-то Катя так страстно мечтала оказаться на месте принцессы... А может быть волшебное нечто – люди обозначили это дедом Морозом или Санта Клаусом – так отреагировало на ее глупое детское письмо? И обижаться не на кого – желание выполнено.

Ведь чудный сон так же реален, как явь. Для Катиной памяти нет разницы: события месячной, недельной давности или этот сон. Правда... есть еще одна возможность. Катя придумала объяснение сама и по праву гордилась: все-таки у нее есть фантазия, не права Ленка! Кате нравилось думать, что она на самом деле побывала в Англии. Пусть так: папа с мамой случайно прочли ее письмо деду Морозу, кажется, Катя не сразу его отправила. И решили сделать дочери своеобразный подарок.

Ведь папа часто бывает в Англии в командировках, у него там знакомства, друзья какие-то. Вот он и связался с герцогиней Хостонской, попросил о маленьком «чуде» для дочери. Леди Элизабет запросто могла купиться! Наверняка посмеялась над забавной русской девчонкой и согласилась разыграть для нее маленький спектакль.

Катя хмыкнула: ничуть не сложно! Ведь она что просила в письме? Ну да – проснуться во дворце и неделю пожить принцессой. Так и вышло. Кате дали снотворное и отправили частным самолетом в Англию. Или даже обычным, просто у трапа ее ждали люди герцогини.

И назад так же. К тому же Катя опять просила у новогодней елки всякие глупости:

мол, хочу проснуться дома. Вот и проснулась! Кате нравилась ее теория. Очень. Выходило: Ройс действительно существует!

Катя сморгнула вдруг выступившие слезы: пусть они расстались навсегда, но он есть, он живет в Англии и кому-то с улыбкой говорит – «ничего страшного».

Катя объяснила себе и молчание родителей: разве можно разрушать сказку? Раз уж дочь до сих пор верит в деда Мороза, по-детски пишет ему письма... Папа вчера так и сказал, рассматривая грудку рождественских подарков – мол, твой сон, Катюха, это шутки старика Мороза! И связь с действительностью потому же – ишь, как тесно все переплелось! Пойми, попробуй, что сон, а что не сон...

Папа шумно радовался, что теперь дочь перестанет приставать к нему с глупостями насчет своей дворянской крови. Мол, сон сном, но теперь Катюха точно знает, что аристократы такие же обычные люди. И жизнь их ничуть не легче, а порой и труднее, чем ее, Катина, жизнь в родном доме.

Катя невольно с ним согласилась. И с горечью подумала: она действительно не гордится больше своей кровью. Предками, пожалуй, да, но при чем тут она, Катя?

Она задумчиво улыбнулась, перебирая драгоценные воспоминания: «Доктор Веласкис вовсе не дворянин, а герцогиня Хостонская его по-настоящему уважает. И не только как врача, но и как человека. Даже противная мисс Глюк...»

Еще одна маленькая тайна: мама с папой совершенно не хотят говорить о Катиной болезни. Сказали – им слишком тяжело далась эта неделя, они желают ее забыть. Смешные, они расспрашивают Катю об ее «приключениях» в Англии, будто не помнят, что это обычный сон!

Да, есть еще одна возможность: Ленка как-то – летом еще! – пересказывала Кате сюжет повести, понятно, фантастической... – короче, она могла действительно находиться дома, зато Катино сознание путешествовало, ну, как у героя той Ленкиной книги.

Может, у герцогини Хостонской в самом деле есть племянница? Девчонка, внешне похожая на нее, Катю, почти двойник? Тоже теория как теория, вполне имеет право на существование. Конечно, Кате вовсе не нравилось наличие двойника. Ведь каждый человек уникален, к чему ей, Кате, копия в Англии?

Школа за эти две недели совсем не изменилась. Усиленно шла подготовка к Новому году: в актовом зале уже стояла высоченная елка, стекла окон разукрашены рисунками, над головами в коридорах летали узорчатые снежинки, подвешенные на нитках...

У младших классов уже проходили новогодние утренники, из актового зала все время доносились звуки музыки и радостные вопли малышей.

Катя сидела на уроках, как во сне и потихоньку оттаивала, она и не думала, что настолько сильно соскучилась по школе и одноклассникам. Даже по учителям соскучилась!

На ее счастье, занятий сегодня практически не было. Учителя в основном объявляли итоги последних контрольных работ и называли отметки за полугодие. Возбужденные предстоящим вечером восьмиклассники – все-таки тридцать первое декабря! – не столько слушали преподавателей, сколько шепотом обсуждали карнавальные костюмы или планы на каникулы.

Катя робко посматривала на Лену, она не решалась спросить об итогах новогоднего конкурса, их объявили вчера. И с ужасом думала, что она будет делать, если «ее» стихотворение заняло призовое место.

Каяться? Ни за что! Нет, конечно, она виновата, но она уже достаточно наказана: поедом ест себя с того самого дня, как выдала Ленкину работу за свою. Если они с Плющенко еще и поссорятся... Это уже слишком!

Катя пыталась понять что-нибудь по поведению Лены, но ничего не получалось. Плющенко сама присматривалась к ней – Катя несколько раз ловила на себе ее любопытные взгляды – но себя не выдавала. На Катю она не злилась, это точно. Но и внимания особого не обращала. Приветливо поздоровалась при встрече и сочувственно отметила, что Катя похудела после болезни. А потом на всех переменах Лена запоем читала какую-то книгу, Катя подсмотрела – опять фантастика.

И Верка Сидоренко выглядела как всегда. Такая же самоуверенная, хамоватая и веселая. По ней не определить – вошла ли в тройку призеров. Катя помнила: Сидоренко написала вполне симпатичное стихотворение.

Васька Гончаров почти не заметил Катиного появления. Он по-прежнему крутился возле Наташи Подгорной, только Катю сегодня это не задевало. И Васька вдруг показался очень приличным парнем – какая разница кто у него родители? – а Наташа – настоящей красавицей.

Катя не видела, как внимательно смотрят на нее одноклассники, стоит ей отвести взгляд. И удивленных учительских глаз она не замечала. Только Луиза Ивановна по своему обыкновению сразу сказала то, что думала. Встретила Катю в перемену в холле перед актовым залом и придержала за плечо. Потом осмотрела с ног до головы и изумленно пропела:

– А ты изменилась за эти две недели, Катюша!

– Знаю, похудела.

– Да я не об этом! – отмахнулась учительница.

– Выросла? – равнодушно предположила Катя, наблюдая, как перед дверью в актовый зал собирается очередной класс: малыши в карнавальных костюмах. Девчушки сплошь феи, Снежные королевы, принцессы и Красные шапочки. А мальчишки – черепашки Ниндзя, Бэтманы, мушкетеры и пираты.

– Нет же!

Катя пожалала плечами. Луиза Ивановна, подумав, произнесла:

– Ты... держишься по-другому.

– Правда?

– С достоинством, я бы сказала. Приятно смотреть.

Катя смущенно покраснела. Как ни странно, этот простенький комплимент был ей очень приятен. Раньше никто такого не говорил. И только вздохнула: раньше она бы не оценила слов: «держишься с достоинством». Это теперь... К столовой с неизменной книжкой в руке свернула Плющенко. Катя встрепенулась, провожая подругу взглядом. И робко спросила, страшась услышать ответ:

– Луиза Ивановна, а что там с новогодним конкурсом?

– Ах, да, ты ведь болела! – Луиза Ивановна внимательно посмотрела на Катю. Помолчала, потом осторожно сказала: – Первое место занял наш Толик Оболенский, ты, наверное, его знаешь.

– Кто бы сомневался, – пробормотала Катя, с тревогой ожидая продолжения и моля Бога, чтобы ее не оказалось в списке призеров.

– Второе... – Луиза Ивановна замялась, Катино сердце замерло. – Не помню точно, какая-то девчушка из двадцать первой школы, кажется.

– А... третье? – еле слышно выдохнула Катя, цепляясь пальцами за подоконник, ноги едва держали от волнения.

– Значит, Леночка не похвасталась?

Катя отрицательно покачала головой, напряженно глядя на учительницу, в ушах нарастал гул.

– Так она и заняла, Лена Плющенко со своими «Этюдками»! – весело воскликнула Луиза Ивановна. – Разделила третье место с десятиклассником из одиннадцатой школы, по-моему, с Павликом Рокоссовским.

– П-правда? – пролепетала Катя, страшась поверить в свое счастье.

– Конечно. Два призовых места из трех достались нашей школе, по-моему, прекрасный результат!

– И Ленка поедет в Европу?

– Третьего января.

– С Оболенским?

– С Толиком и другими ребятами, там целая группа набирается с Северо-запада, конкурс проводился в каждом городе...

– Здорово! – Катины глаза засияли как звезды.

Забыв про учительницу, она побежала в столовую, чувствуя, что с плеч свалился страшный груз: теперь она могла не думать об украденном стихотворении. Не думать,

так как Лена все равно поедет в Европу, ничего непоправимого не случилось.

Катя влетела в столовую как вихрь. Расталкивая ребят, пробилась к раздаче. Выхватила у изумленной Лены поднос – она как раз расплачивалась с кассиром – и ослепительно улыбнулась подруге:

- Поздравляю!
- Ты уже знаешь? – Лена смущенно опустила ресницы.
- Дурочка, я так за тебя рада!
- В самом деле?
- В самом-пресамом!

Катя поставила на стол поднос, и подруги застыли посреди зала, глядя друг другу в глаза. Лена, вдруг поверив, протянула руки:

- Значит, мир?
- Да, – Катя крепко сжала ее пальцы в своих ладонях. – Мир.
- Но я же плебейка, – с лукавым смешком шепнула Лена.
- Не напоминай! Я себя чувствую такой дурой...

Тогда Лена сказала, почти слово в слово повторяя слова учительницы:

- А ты изменилась за эти две недели!
- И девочки ушли из столовой, забыв о подносе.

На школьный вечер Катя не пошла. Просто не захотела, да и мама посматривала на нее с тревогой. То и дело трогала Катин лоб губами, ей все казалось, что дочь вот-вот заболит.

В десять часов вечера Катя надела свое бело-розовое платье и посмотрела на себя в зеркало: то и не то! Там, во сне, Катей занимались профессиональные стилисты. И прической, и косметикой, и аксессуарами... Сейчас же она просто распустила волосы по плечам, а вместо орхидеи прикрепил у виска белоснежный цветок гардении. Он пах так нежно и сильно, что у Кати кружилась голова.

Впрочем, когда она вышла к столу, родители восхищенно замерли. Мама почему-то тихо заплакала, а папа хрипло выдохнул:

– Всегда знал, что дочь у меня красавица!

– Па, но у меня же веснушки, – засмеялась Катя.

– Они тоже – красавицы, – папа упрямо сдвинул брови. – Каждая по отдельности и все вместе, оптом, так сказать!

– Ну, если каждая по отдельности...

Катя не помнила, когда она была настолько счастлива. Дома так здорово! В целом мире нет места лучше, чем родной дом. Здесь Катю любили! Разве все остальное не мелкие мелочи?

Она сидела за простенько сервированным столом и с легким сердцем пользовалась всего одной вилкой и одним ножом. И почему-то чувствовала: здесь так правильно. Сама герцогиня Хостонская, оказавшись в гостях у Ивлевых, вела бы себя точно так же, Катя ничуть не сомневалась. Вдруг вспомнилось, как миссис Моррисон на занятиях говорила: «Если человек по-настоящему воспитан, с ним рядом комфортно любому».

Когда часы пробили двенадцать, Катя не побежала к груде ярких коробок из Англии. Зато с интересом вскрыла подарки от родителей и от Лены. И счастливо улыбнулась: мама с папой подарили цифровой фотоаппарат, Катя давно о нем мечтала. И три ярких нарядных ночных сорочки. А Плющенко...

Катя радостно засмеялась, рассматривая две узкие голубые полоски – билеты на ледовое шоу. В город сразу после Нового года приезжали звезды российского фигурного катания, они как раз успеют сходить до Ленкиного отъезда!

Катя расцеловала родителей и нерешительно остановилась у груды коробок. Ей почему-то не хотелось их открывать, было попросту страшно. Сон или не сон...

Об этом не хотелось думать!

Катя оглянулась на маму с папой: они увлеченно смотрели «Голубой огонек». Поблуднев от волнения, девочка одним движением выхватила из кучи подарков сверток с открыткой от Ройса и спрятала за спину.

Ну и пусть он приснился ей! Главное, он есть. И даже его подарок у нее в руках!

Катя пошла свою комнату, они договорились с Леной сразу после двенадцати

выйти в Интернет. Процессор мягко загудел, по монитору побежали строчки, Катя развернула бумагу и прижала к щеке крохотную коробочку, обитую красным бархатом. На нее – так показалось взволнованной девочке – пахло Ройсом, его чуть горьковатым одеколоном или это туалетная вода так пахла?..

Катя осторожно откинула крышечку и восторженно ахнула: какой прекрасный и необычный кулон! Огромная розовая жемчужина, оправленная в сетку из белого золота на тонкой, сложного плетения цепочке.

Компьютер загрузился. Катя вошла в Интернет, машинально нажав на клавишу получения почты. Она застегивала на шею цепочку и бездумно наблюдала, как одно за другим грузятся письма, наверняка поздравительные, от одноклассников.

«От Васьки, – автоматически отметила она, любясь нежной матовой жемчужиной. – От Сидоренко, надо же! От Наташки Подгорной, от Лены, от Олега, от Вали... а это от кого?»

Катя удивленно наблюдала, как грузится письмо с незнакомым, не российским обратным адресом. Ее вдруг бросило в жар, девочка дрожащей рукой открыла файл, и недоверчиво прошептала:

– Не может быть...

Она зажмурилась, прикрыв ладонью розовую жемчужину. Вдруг показалось, что она снова спит, а на самом деле ничего не происходит.

В зале чему-то рассмеялись родители. Мама нетерпеливо позвала:

– Кать, иди сюда, у Галкина такая забавная миниатюра...

– Можешь не спешить, – бодро крикнул папа. – Я все записываю, завтра посмотришь!

«Не сплю. Наверное, показалось. Я все время о нем думаю, и вот...»

Катя открыла глаза, но письмо из Англии никуда не исчезло. Катя прижала к щеке жемчужину и медленно, все еще не до конца веря происходящему, прочла:

«Привет! Понравился ли мой подарок русской девочке Кате Ивлевой? Надеюсь, да, я сам этот кулон выбирал. С Новым годом тебя!»

И давай познакомимся по-настоящему, я сейчас как раз за компьютером... Ты не против? Ройс».